

К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ ГРУППЫ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ОСНОВОЙ НА -Ў В ПРАСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о составе группы имен существительных с основой на -ў в праславянском языке является составной частью более крупной проблемы, связанной со значением, исторической ролью и особенностями старого типа склонения основ на -ў вообще.

В праславянском языке этот тип склонения был унаследован из индоевропейского. В индоевропейском праязыке склонение основ на -ў отличалось своими специфическими особенностями. Одни из них оставались характерными для данного типа склонения и в дальнейшем — в истории отдельных групп индоевропейских языков, другие терялись или видоизменялись вследствие фонетического и морфологического своеобразия той группы индоевропейских языков, в которую данный тип входил.

К первой группе названных особенностей относится наличие элемента **ў** (или **ou**) во всех формах склонения¹, что придает типу склонения на -ў особую четкость в формантах. Эта черта, очевидно, связана с большой устойчивостью звука **u** в конце слова на протяжении истории индоевропейских языков (ср., например, германские языки). Нам кажется, что большое влияние, которое оказывал именно тип склонения основ на -ў на другие типы склонения, как раз связано с этой его особенностью. Нужно, однако, указать на то, что в силу ряда специфических для праславянского языка фонетических изменений (монофтонгизация дифтонгических сочетаний, переход **ў** в **ъ**) в позднюю эпоху праславянского языка тип склонения основ на -ў частично теряет свойственную ему ранее четкость в формантах.

Среди слов, унаследованных праславянским языком из индоевропейского, нужно прежде всего назвать слова, которые уже в индоевропейском праязыке принадлежали к основам на -ў и как таковые вошли в группу слов, изменявшихся и в праславянском языке по этому типу склонения. Сюда принадлежат, например, такие слова, как и.-е. **sūneus* 'сын', **medhu* 'мед', **pek'us* 'любое домашнее животное с длинной шерстью', **bhehhrus* 'бобр', собственно 'животное бурого (коричневого) цвета'.

Другая группа слов, склоняющихся по типу основ на -ў является собственно славянскими словами, как например **polъ* 'половина', **volъ* 'вол', **sadъ* 'плантация' и т. д.

В третью группу можно включить слова, которые не могут быть безусловно отнесены либо к общеиндоевропейским, либо к собственно

¹ См. Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955, стр. 77.

славянским, так как они встречаются только в двух-трех группах индоевропейских языков. Ср., например, праслав. *virxŭ* 'верх, верхняя часть чего-либо'; лит. *viršus* 'верх, верхняя часть чего-то'; лат. *verruca* 'бородавка'; **borŭ* 'бор'; др.-исл. *borr* < **baru-z*; **ledŭ* 'лед'; лтш. *ledus*, а также лит. обл. *ledus* 'лед'; **olŭ* 'род пива'; лит. *alus* 'пиво'; др.-прусск. *alu* 'пиво'; др.-англ. *ealu* 'пиво'.

На основании сказанного можно заключить, что состав слов с основой на **-ŭ** в праславянском языке был разнородным. Это, между прочим, характерно не только для праславянского, но и для всех других индоевропейских языков, которые сохранили древний тип склонения основ на **-ŭ** (ср., например, состав слов склонения основ на **-ŭ** в германских и балтийских языках, а также в греческом и латинском). Во всех этих языках наряду с определенной группой общеиндоевропейских слов есть слова, для которых нет никаких точных соответствий (имеются в виду точные соответствия облика основы) ни в каком другом индоевропейском языке. Очевидно, что тип склонения основ на **-ŭ**, живой в индоевропейском праязыке, остался продуктивным и в начальной истории отдельных групп индоевропейского праязыка. Несомненно, он был еще продуктивным типом и в раннем периоде праславянского языка.

Как отмечено выше, тип склонения основ на **-ŭ** индоевропейского праязыка в истории отдельных групп индоевропейских языков претерпел изменения. К их числу в праславянском языке относятся изменения в грамматическом роде имен существительных данного склонения: В индоевропейском праязыке к типу склонения **ŭ**-основ принадлежали, во-первых, имена существительные среднего рода (например, и.-е. **medhu* 'мед'), во-вторых, имена существительные несреднего рода² (например, и.-е. **sŭneus* 'сын'). Эта древнейшая дифференциация в категории рода ярко отражена в хеттском языке (ср., например, существительное неспр. р. *kutru-* 'свидетель' и существительное ср. р. *genu-* 'колени'). Как известно, деление имен по основам древнее, чем деление их по родам. Если же мы имеем в ряде индоевропейских языков имена существительные женского рода с **ŭ**-основой, как например гот. *handus* 'рука', лат. *manus* 'рука' и т. д., то это явление более позднее, связанное с дифференциацией уже внутри древней категории несреднего рода. Вследствие этого в ряде индоевропейских языков в группе слов с основой на **-ŭ** представлены имена существительные всех трех родов (ср. германские языки, латинский язык). Что же касается судьбы слов, характеризующихся **ŭ**-основой в славянской группе, то вследствие разных изменений произошла не дифференциация их по разным родам, а унификация. Для ранней эпохи праславянского языка предполагают еще сохранение имен существительных среднего рода в типе склонения основ на **-ŭ** (см. ниже, стр. 114). В результате специфических закономерностей конца слова, действовавших в позднем периоде праславянского языка (утрата конечных **-s**, **-n** и **-n** < ***-m**, совпадение конечных, незащищенных звуков **-ō** и **-ŭ** в **-ъ**), имена существительные несреднего рода (а в праславянском языке в типе склонения основ на **-ŭ** это были исключительно имена существительные мужского рода) и имена существительные, принадлежавшие в индоевропейском праязыке к именам среднего рода, совпали в формах именительного и винительного падежа единственного числа, т. е. имели сначала в этих формах **-u**, развившееся потом в **-ъ**. например: им.-вин. ср. р. и.-е. **medhu* > ранее праслав.

² Поскольку темой статьи являются имена существительные с древней **ŭ**-основой, мы оставляем в стороне имена прилагательные с **ŭ**-основой (которые по родовым признакам представили бы третью группу, если вообще можно говорить об именах прилагательных для этого периода).

**medu* > позднее праслав. **medǫ*; ср. ст.-слав. МѢДЪ. Им. неср. р. и.-е.
 **sūneus* > **sūnus* > *sunu* > **synǫ*; ср. ст.-слав. СЫНЪ. Вин. неср. р. и.-е.
 **sūnum* > **sūnum* > **sūnun* > **sūnu* > **synǫ*; ср. ст.-слав. СЫНЪ. По-
 этому еще в праславянском языке (в позднем периоде) в именительном
 и винительном падежах единственного числа имени существительные
 бывшего среднего рода и бывшего несреднего рода в типе склонения
 основ на **-ǫ** совпали. Последствиями этого совпадения являлись: во-
 первых, переход имен существительных бывшего среднего рода с ос-
 новой на **-ǫ** в категорию имен существительных мужского рода того же
 типа основы; во-вторых, взаимное проникновение в позднем периоде
 праславянского языка типа склонения основ на **-ǫ** и типа склонения
 основ на **-ǫ̆**, так как в последнем типе в результате упомянутых выше
 изменений конца слова в именительном и винительном падежах един-
 ственного числа также появилось **-ъ**. При смешении возобладал тип
 склонения основ на **-ǫ̆**, вытеснивший впоследствии склонение основ
 на **-ǫ** как самостоятельный тип. Причины данного явления мы должны
 искать не только в смешении указанных двух типов склонения. Смеше-
 ние было лишь последним, завершающим этапом очень длительного и
 сложного процесса, который брал свое начало, очевидно, еще в индо-
 европейском языке. Неслучайно во всех индоевропейских языках
 (разумеется, в тех, в которых засвидетельствован тип склонения основ
 на **-ǫ**) происходит разложение этого типа склонения, переход слов,
 принадлежавших к нему, прежде всего в тип склонения основ на **-ǫ̆**.
 В связи с этим следует обратить внимание еще на одно обстоятельство,
 которое может быть определенным образом связано с утратой склонен-
 ния **ǫ**-основ как самостоятельного типа. Это — изменение соотношений
 между основообразующим элементом и падежными окончаниями в пра-
 славянском склонении вообще, в частности в типе склонения основ
 на **-ǫ**. В результате ряда существенных фонетических изменений [на-
 зовем например, утрату четкости древнейших чередований **ǫu-** (**-ǫw**),
-ǫ̆u (**-ǫ̆w**), **-ǫ̆**, которые в праславянском языке изменились в **u-** (**-ov**),
-u- (**-ov**), **-ъ**] в праславянском языке терялось четкое структурное
 расчленение слова во всех его формах на корень, основообразующий
 гласный и окончание. Впоследствии ощущались только корень и окон-
 чания, с которыми соединился бывший относительно самостоятельный
 основообразующий элемент³.

Древнейшие из известных нам славянских памятников свидетель-
 ствуют о том, что процесс распада типа склонения основ на **-ǫ** начался
 уже давно. Но несмотря на то, что исчезновение основ на **-ǫ** как
 самостоятельного типа склонения наблюдается сравнительно рано и что
 количество слов, первоначально изменявшихся по этому типу склонения,
 было относительно невелико, данный тип склонения оставил глубокие
 следы не только в системе именного склонения, но вообще в морфоло-
 гической системе славянских языков, а также в области словообразо-
 вания. Возникает интересный вопрос: чем объяснить огромное воздей-
 ствие древнего типа склонения основ на **-ǫ** в истории славянских
 языков при его сравнительно небольшом составе слов?

Прежде чем решать эту главную проблему, необходимо сначала ис-
 следовать некоторые более частные вопросы. Так, нужно выяснить,
 каков именно был состав той группы слов, которые первоначально
 изменялись по древнему типу склонения основ на **-ǫ** в праславянском
 языке. Чтобы приблизительно установить этот состав слов, необходимы

³ См. А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 330.

определенные критерии выделения древней **ǫ**-основы. Главными из них мы считаем следующие.

I. Сохранение древней чистой основы⁴. Это мы наблюдаем в сложных словах, например: русск. *полудень* (наряду с *полдень*) 'середина дня'; лит. *viršūgalvis* 'макушка' < *viršūs* 'верхняя часть чего-либо' + *galvą* 'голова'. В славянских языках, однако, в сложных словах в качестве соединительной гласной очень редко сохраняется **-ǫ**, как правило в них выступает **-о-**. Что касается литовского языка, то сложения, первой частью которых являются имена существительные с основой на **-ǫ** с окситонным ударением, обычно имеют соединительную гласную **-а-**. Ср. *viršūgalvis*.

Сохранение древней чистой основы наблюдается и в производных в виде: корень + **-а-** + суффиксы; например, ст.-слав. *володи* < **volu* + суффикс притяжательного значения **-ь**. Ср. еще ст.-слав. *володглавь* 'с воловьей головой'; блр. *полўйка* 'горсть льна наполовину (разрядка наша. — Р. Э.), измятого в мяле и еще не совсем очищенного от костры' (Носов., стр. 463); блр. *полўйка* < **polu-* + **-ь-ка**.

II. Сохранение системы архаических (характерных для типа склонения основ на **-ǫ**) падежных форм.

Определяющими являются следующие падежные формы:

Род. ед. на **-а** (< **oŭs*): ст.-слав. *с(ы)ноѡ* (Савв. кн., 7 раз); др.-словен. *sinu* (Флор., Лекц.).

Дат. ед. на **-ови** (< **oŭ-ei*): ст.-слав. *с(ы)нови* (Мар., Зогр., Асс.); др.-словен. *sinōvi* (Флор., Лекц.).

Местн. ед. на **-ѹ** (< **oŭ* < *oŭ*): ст.-слав., др.-русс. *с(ы)ноѡ* (Асс., Остр. ев.); др.-чешск. *synu* (*vit.*).

Зв. ф. на **-а**: ст.-слав. *с(ы)ноѡ* (Супр. рук. и др.); др.-чешск. *moj synu* (*Hradsch*) *zlosynu* (*Rozb.*); др.-луж. *synu* (Библия 1548 г., Флор., Лекц.).

Им. мн. **-ове** (< **oŭ-es*): ст.-слав., др.-русс. *с(ы)нове* (Остр. ев. и др.); др.-чешск. *synové* (*Žklem.*), *zlosynové* (*Rozb.*).

Род. мн. **-овъ**: ст.-слав., др.-русс. *с(ы)новѡвѣ* (широко представлено); др.-чешск. *synow* (*Žwittb.*).

Мест. мн. $\left. \begin{array}{l} \text{-ѡхъ (в южнослав. и вост.-слав. яз.)} \\ \text{-охъ (в зап.-слав. яз.)} \end{array} \right\} < *oŭ-s-os$

Им.-вин. дв. на **-а**: ст.-слав. *с(ы)ны* (Мар., Асс.); др.-словен. *sini* (Флор., Лекц.).

Род.-мест. дв. на **-ову**: ст.-слав. *с(ы)новоѡ* (Мар., Зогр., Асс.).

Несомненно, наиболее ценными доказательствами для установления **ǫ**-основы являются факты из древнейших памятников, поскольку в них процесс разрушения типа склонения основ на **-ǫ** отражен на более ранней стадии. Нельзя также оставлять без внимания географический момент. Если имеются примеры только из одной группы славянских языков, то они менее убедительны, чем данные из древних памятников всех групп славянских языков. Следует еще обратить внимание на то, что падежные формы слов должны отражать старое состояние, они должны быть свободны от всякого аналогического воздействия, ибо некоторые старые (исконные для типа склонения основ на **-ǫ**) падежные формы в истории славянских языков рано стали характеризовать имена существительные, не восходящие первоначально к **ǫ**-основам. Из примеров современного языка можно указать на фразеологические сочетания, старинные пословицы и т. д. В них может удержаться древняя

⁴ Под „чистой основой“ в данных случаях мы понимаем корень данного слова +**а**, причем **а** здесь не должно являться падежным окончанием или частью суффикса.

падежная форма в результате своей изоляции. Ср. белорусскую пословицу: *Печь затопила, а верху не отчинила*. Здесь *верх* — 'окно, прорубленное под потолком, особенно над дверями, для выпуска дыма в курных избах' (Носов., 49).

Наречные образования на **-и** непосредственно генетически связаны с древними падежными формами склонения основ на **-й**. Здесь можно выделить три группы:

а) образования, идентичные по своему звуковому составу определенным падежным формам соответствующего имени существительного с прежней **й**-основой. Ср. др.-русск. сущ. *вьрхъ*, форму мест. ед. *вьрху* и др.-русск. наречное словосочетание *вьрху того* 'о том'; словен. нареч. *vrhu* 'над, вверху, наверху';

б) наречные образования типа *вьрху* в роли первого компонента сложного слова, например имя дочери князя Всеволода Мстиславича *Верхуслава* (ПСРЛ, I, 407);

в) наречные образования, состоящие из окаменелой падежной формы имени существительного и предлога, сросшегося с ним в одно целое: ср. русск. *сполу* 'пополам' (VEW, II, 709), *вверху, наверху, доверху, сверху*; чешск. *svrchu*; словен. *spolu*.

Однако и во всех этих случаях необходимо строго отличать явления старые, исконные от вторичных, развившихся под воздействием аналогии⁵.

III. Сохранение определенных рефлексов старого конечного гласного звука основы в виде **-v-** или **-ov-**.

1. Рефлекс **-v-**⁶:

а) корень **+v-** в сложных словах. Классический пример представляет славянское название для *ursus* 'медведь': *medvĕdъ* < **medu-ĕdъ* < **medu-ĕdъ* 'медоед'. Полное соответствие ст.-слав. МѢДВѢДЪ находим в др.-инд. *madhu-v-ād-* 'тот, кто ест мед' (Мейе, Общеслав. яз., 301), *madhu-ād-* 'тот, кто ест сладости' (Brugm., Grdr., II, 1, 113). Ср. еще венг. *medve, nedve* 'медведь'⁷;

б) корень **+v-** + суффиксы (т. е. корень **+v-** в производных). Ст.-слав. МѢДВЪНЪ, μέλιτος 'медовый' < *medu-ъn-ъ* < **medu-ъn-ъ*. Ср.-русск. *медвяный*; сербохорв. *medven* 'медовый'; сербохорв. *medvača* 'медовая груша, сладкая, как мед'.

2. Рефлекс **-ov-**. В раннем праславянском языке имело место чередование **ou/и**. В более поздний период (после монофтонгизации дифтонгических сочетаний) на месте **ou/и** имеем чередование **и/ъ**. Можно предполагать, что или конечный звук **и** старой основы на **-й** стал в определенных условиях неслоговым и дал **-v-**, или **oŭ**, будучи еще дифтонгическим сочетанием, под действием закона открытых слогов давал **oŭ** > **ov** в определенных случаях слогоразделения. Ср., например, **volou-+-in-os* > **volou-in-o* > **vol-ov-ъn-ъ*, ст.-слав. ВОЛОВЪНЪ. В дальнейшем такой тип огласовки мог распространяться и аналогически (ср., например, ст.-слав. ДОУХОУЪНЪ). Ценны здесь опять-таки слова, в которых **-ov-** не могло появляться аналогическим путем, а является рефлексом старой основы, как например в следующих образованиях.

а) С суффиксом **-in-a**. В этой семантической группе нет сложного суффикса **ovin-a*. Ср. русск. *волovina* 'мясо вола, шкура вола'. Но *телятина, говядина, осетрина*, и т. д. Русск. *медовина* 'вареный

⁵ См. В. Unbegaun. La langue russe au XVI-e siècle. Paris, 1935, стр. 97.

⁶ Рефлекс **-v-** как отражение старой конечной гласной **й**-основы мы находим не только в славянских, но и в балтийских и латинском языках (ср. F. S p e c h t. — KZ, Bd. 65, стр. 198).

⁷ Венгерское слово, по мнению И. Кннежа, из славянского *medvĕdъ*. См. J. K n i e z s a. A magyar nyelv szláv jővényszavaí, I, 1. Budapest, 1955, стр. 332.

питьевой мед'; сербохорв. *medovina* 'мед (напиток); чешск. *medovina* 'напиток из меда'.

б) С суффиксом имени прилагательного **-ьн-**, непродуктивным в современных славянских языках. Ср. ст.-слав. *домовьнокъ*, *домовьникъ*, *сыновьнъ*, *воловьнъ* и т. д., а также др.-русск. *половьный* и *врховьный* (оба слова из Изб. 1073 г.). Правда, в этом типе суффиксальных образований были случаи перенесения путем аналогии (ср. ст.-слав. *доховьнъ*), но ограниченного распространения⁸.

в) С суффиксом **-ьје** (или **-ьжь**). Ср. русск. *половь* 'в половинную аренду'; др.-русск. *половьк* 'половина урожая'.

г) С суффиксом **-ица** предметного значения. Ср. словен. *polovica* 'половина'; н.-луж. *polojca* < **polovica* 'половина предмета'; чешск. *volovice* < **volovica* 'шкура вола' (ср. русск. *волovina*).

Много слов, образованных при помощи других суффиксов, также содержат **-ов-**. Однако в них **-ов-** не всегда отражает старые отношения, а потому они могут фигурировать только в качестве дополнительных доказательств, как например следующие образования.

1. Имена прилагательные на **-ovit**, получившие большое развитие (особенно в чешско-словацкой группе, в словенском языке). Ср. ст.-слав., др.-русск. *домовитъ*.

2. Имена прилагательные с суффиксом **-ов-**, широко распространенным во всех славянских языках. Но в русском языке (характеризующемся подвижным ударением) интерес представляют слова с ударением на окончании типа *домовой*. Ср. укр. *домовик* 'домовой'.

3. Глагольные отыменные образования с **-ов-**⁹, несомненно, генетически связаны с группой имен существительных со старой **ũ**-основой. Но ввиду того, что **-ов-** стал очень продуктивным суффиксом в глагольном словообразовании, следует детально анализировать каждый отдельный случай. Отражают, например, старые отношения ст.-слав. *домовати* 'жить, обитать' и русск. *усыновлять*, *усыновить* 'принимать в семью на правах сына'.

Показательны также названия рек и озер, топонимические названия, личные имена и фамилии, славянские топонимические названия на территории восточной части Германии, Румынской Народной Республики, а также славянские заимствования в других языках (примеры см. ниже).

Ср., например, венг. *polonak* < **polovnjak* 'бочка, содержащая пять ведер'¹⁰.

IV. Наличие точного соответствия в других индоевропейских языках. Понятно, что наличие точных соответствий во многих индоевропейских языках позволяет установить **ũ**-основу для данного слова с большей убедительностью, чем наличие примеров из одного или двух индоевропейских языков. Но и это последнее положение является веским аргументом. Ведь во многих случаях этот древнейший материал не дошел до нас. К тому же могли иметь место диалектные различия в индоевропейском праязыке. Приведем примеры для обоих положений.

1. Праслав. **medũ* соответствуют:

а) в балтийских языках: лит. *medús*; лтш. *medus* 'мед' (оба слова м. р.); др.-прусск. *meddo* (Elb. Voc. *medu*, см. TWb.) ср. р. 'мед (напиток)';

⁸ Подробнее об этом см. А. Мейе. Указ. соч., стр. 293 и К. Brugmann. Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen., Bd. II, I. Straßburg, 1906, стр. 273.

⁹ В литовском языке мы имеем подобные образования, ср. лит. *apsimedũti-dũjũ*, *-davũu*, *-dãves* 'запахаться медом'. См. А. Юшкевич. Литовский словарь, вып. I. СПб., 1891, стр. 70.

¹⁰ См. I. K n i e s z a. Указ. соч. т. I, стр. 431.

б) в германских языках: др.-в.-нем. *metu*, *mitu*, 'мед (напиток)'; др.-англ. *medu*; др.-исл. *mjodr* < **mjadu-z* < **medu-z* 'мед';

в) в индо-иранских языках: др.-инд. *madhu* ср. р. 'мед', *madhulih* 'пчела'¹¹; авест. *mađu* ср. р. 'мед; вино из ягод';

г) в греческом языке: *μεθυ* 'вино'; первоначально в значении 'медовина' — 'мед (напиток)';

д) в кельтских языках: брит. *med*, *medu* (др. корнев.) 'мед'; кимбр. *medw* 'пьяный' и др.

2. Праслав. **domŭ* 'дом' соответствуют:

а) лат. *domus*, *-ūs* 'дом';

б) др.-инд. *damunas* 'домашний'.

Примеры, отражающие *ǫ*-основу:

др.-инд. *dāmas* 'дом'; греч. *δομος* 'дом, жилище'.

Привлечение данных индоевропейских языков требует строгого соблюдения следующих условий.

1. Необходимо изучить вопрос исконности рассматриваемых фактов. Заимствованное слово также во многом может способствовать определению древней основы. Вместе с тем между славянскими заимствованиями в других индоевропейских языках и между неславянскими словами, но родственными славянским есть принципиальная разница.

2. Необходимо подвергать тщательному анализу факты из других индоевропейских языков с точки зрения их относительной хронологии, чтобы избежать смешения древних явлений с более поздними, первичных со вторичными.

3. Нужно, наконец, обратить внимание не только на случаи сходства и совпадения, но и на расхождения.

К применению изложенных нами критериев в целом мы считаем нужным прибавить еще следующее: при установлении древней *ǫ*-основы для данного слова вовсе не обязательно применение всех трех главных критериев. Качественная сторона здесь существеннее, чем количественная. Могут иметь место случаи, когда достаточно применения одного или двух критериев, чтобы прийти к правильному обоснованному результату. Необходимо при этом исходить из всей системы данного языка. Это следует учесть и по отношению к отдельному слову. Слово необходимо изучать в системе его форм, его производных и вариантов и т. д. Только при этом условии отдельные факты могут получать правильное освещение¹².

В своем изложении мы уделяем первостепенное внимание доказательствам из славянских языков (современных, включая сюда и доступные диалектные материалы, а также старописьменных), а потом только соответствиям из других индоевропейских языков. Такой подход продиктован тем обстоятельством, что родство индоевропейских языков является более отдаленным, чем родство славянских языков, вследствие чего наиболее достоверными являются данные из славянских языков.

Переходим непосредственно к вопросу о составе древнего типа склонения основ на *-ǫ* в праславянском языке. Как показывает изучение истории этого вопроса, общепризнанными в славистике *ǫ*-основами являются шесть слов: *domъ* 'дом', *medъ* 'мед', *polъ* 'половина', *synъ* 'сын',

¹¹ См. F. Specht. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944, стр. 46.

¹² Мы отнюдь не думаем, что изложенные выше критерии являются исчерпывающими, но, исходя из наблюдений и собранного материала, мы считаем их вполне достаточными и удобными в методологическом отношении.

vьrchъ 'верх, верхняя часть чего-либо, *volъ* 'вол'¹³. Но еще А. Шлейхер совершенно правильно указывал, что „к склонению основ на *-ŷ* принадлежит больше форм, нежели обыкновенно предполагают“¹⁴. Ознакомление с соответствующей лингвистической литературой подтверждает это положение. Но у разных ученых наблюдаются более или менее резкие расхождения во мнениях по поводу древних *ŷ*-основ в славянских языках, за исключением вышеупомянутых шести слов. Как замечает Б. Унбегаун¹⁵, не найдется и двух исследователей, у которых полностью совпали бы списки слов, относящихся к *ŷ*-основам.

Главную цель нашей статьи мы видим именно в том, чтобы при помощи вышеуказанных критериев более точно определить место нескольких слов, которые не являются в науке общепризнанными *ŷ*-основами.

***b^o/obrŷ-, *bьbru-**

Древнее общеиндоевропейское название млекопитающего из грызунов, русск. *бобр*, чешск. *bobr*, блг. *бобър*, *бебер* (MEP) имело и в праславянском языке *ŷ*-основу. В лингвистической литературе эта основа исследована мало. Часто приводится большое количество параллелей из других славянских, а также индоевропейских языков, но определения основы обычно не дается. А. Мейе слово *бобр* рассматривает в разделе „имена существительные, характеризующиеся элементом *e/o*“ (Meillet, Et., II, стр. 230). Некоторые ученые, сравнивая данные разных индоевропейских языков, указывают на существование в этом случае нескольких основ (в том числе и *ŷ*-основы), но у них остается невыясненным, какие именно основы, в каком историческом периоде и в каких индоевропейских языках (или диалектных группах) можно установить. (Ср. Fick., Vgl. Wb., Bd. III, 419; TWb, 28; Meyer, Gesch. d. St.-bild., 54; Sreht, Urspr., 38). У Э. Бернекера (BEW, 47) мы находим высказывание, правда еще в форме предположения, что славянское слово для 'castor' было именем существительным со старой *ŷ*-основой. Правильность этого положения подтверждается многочисленными фактами.

Чистая основа этого слова сохранилась в названии города Могилевской области Белорусской ССР — *Бобруйск* < ***bobrŷ-** + суффикс прилагательного **-ŷsk-**. Суффикс прилагательного **-ŷsk-** в названиях мест является продуктивным¹⁶. Фонетически пример ясен: если редуцированный *ŷ* находился перед гласным, то непосредственно перед ним должен был развиться *j*, впоследствии редуцированный исчез в слабой позиции, а *j* в нашем примере передается графическим начертанием *ŷ*. Этимологическая связь этого названия со словом *бобр* становится вполне ясной из комментариев автора „Словаря географических названий“ М. С. Боднарковского: „Бобруйск лежит в лесной местности, которая прежде была богата бобрами“. Город Бобруйск расположен на берегу реки Березины. Ср. еще др.-русс. *Бобруескъ* (Грам. Влад. 1387 г.) и укр. *Бобруйськ*, *бобруйський* (Кирич., т. 1, 76). П. Шейн в своих „Дополнениях и заметках к Толковому словарю Даля“ (Записки ИАН, т. XXII, кн. 2) приводит слова: „*Бобруянин*, *-янка* 'житель, -ница города или уезда

¹³ Не случайно в качестве иллюстрирующего материала для выделенных нами критериев определения исконных *ŷ*-основ мы выбрали примеры именно на эти шесть слов.

¹⁴ См. А. Шлейхер. Склонение основ на *-u* в славянских языках. „Записки ИАН“, т. XI, Приложение 3. СПб., 1867, стр. 2.

¹⁵ См. В. Унбегаун. Указ. соч., стр. 80.

¹⁶ Ср. факты из говоров, в которых местный падеж единственного числа еще выступает с окончанием прилагательного, а не существительного, например в *Минском* в.м. в *Минске*.

Бобруйск". Ср. еще название правого притока реки Ольсы *Бобруйка* < ***bobru-+j+ka** (Машт., Днепр, 102).

Примеры с **-ov-**:

***bobrov-**+суффикс **-in-a**: русск. *бобровина* 'мясо бобра'; чешск. *bobrovina* то же; сербо-хорв. *bobrovina* то же; словен. *bobrovina* или *bebrovina* 'мясо бобра; шкура бобра'.

***bobrov-**+суффикс **-ъс-**: русск. топ.¹⁷ *Бобровец* — а) название деревни при р. Садве (Сп. нас. м., XLIII); б) название деревни при оз. Глухом (там же, XXXIV). *Бобровцево* — название деревни в местности, где много речек (там же, XXXIV). *Бобровец* — название деревни при р. Беседке (там же. XL). Здесь **ы** появилось, вероятно, вследствие контаминации названий *Бобровец* и *Бобры*. Чешск. топ. *Bobrovec, -vce* — местное название в Уграх; сербо-хорв. имя собственное *Bobrovac* (Mikl., Bildg. ON, 15).

***bobrov-**+**-ik-**, а также **-ic(a)**: русск. топ. *Бобровица* — а) название деревни (Волост., VI, 256); б) название реки (там же); укр. топ. *Бобровица* — а) название хутора (Сп. нас. м., XXXIII, 199); б) название реки (там же); чешск. топ. *Bobrovice* (Profous, MJC, 105). Ср. еще русск. топ. *Бобровиць (Бобровец)* < **bobrovik* и *Бобровици*.

***bobrov-**+суффикс местного значения **-isko**: чешск. *bobrovisko* ср. р. 'болотистое место, где летом живут бобры' (Kott, V, 1019).

bobrovъn-** (bebrovъn-**), т. е. основа прилагательного: а) с суффиксом **-jъ+a**, образующим слова, имеющие значение строения, помещения для того, к чему относится прилагательное (слово типа ст.-слав. *вечерня*, русск. *пекарня*), в западнославянских языках: польск. *bobrownia* 'бобровый гон, бобровое гнездо'; чешск. *bobrovna* 'жилище бобра'; б) с суффиксом **-ik-**: русск. *бобровник* старинное 'ловец бобров' (Д.); русск. топ. *Бобровник* 3 раза (Сп. нас. м., XXXIV, 38, 305); чешск. топ. *Bobrovniku* — деревня в бывшей прусской Силезии (Kott.); польск. топ. *Bobrownici* (Kühnel, Sl. ON. u. FN, 44/11).

***bobrovit-**: чешск. *bobrovity* то же, что чешск. *bobrovna* (Kott, I, 76); словен. *bobrovit* 'боброподобный'.

Наконец ср. еще два глагольных образования: чешск. *bobrovati* 'шлепать как бобр' (Kott, I, 75); польск. *bobrować* то же, что и чешск. (Sl. j. pol., I, 179) 'ходить в воде, по грязи, как бобр; бродить'.

Данные из памятников древней письменности:

I. Др.-русс. *Бобруескъ* название города (Грамм. Влад. 1387 г.) *Бобруенко* имя собственное; *Кузма Бобруенко* — житомирский мещанин 1586 г. (Туп., 480). Ср. еще др.-русс. *Бобренко* 1654 г. (там же).

II. Др.-русс. *бобровина* 'бобровина, мясо бобра', *бобровок* 'обязанность ловить бобров'. Ср. др.-польск. *bobrowe* (1292 г. Słow. st. pol., I, 117); др.-русс. *бобровъникъ* 'ловец бобров' (Дух. Вл. Андр. 1410 г.); др.-польск. *bobrownici* 1228 г. (Słow. st. pol., I, 117); *bobrownici* 1939 г. (там же); др.-чешск. *bobrownici* (Reg., I); др.-укр. *бобровник* 'ловец бобров'. Ср. еще др.-укр. *бобровництво* (Полоцкое) 'бобровые гоны', *бобровщина* 'плата, подарок за право ловить бобров' (Тимч., Ист. сл. укр., I, 108).

Ср. др.-польск. *bobrownicze* 'род дани', 1483 (Słow. st. pol.; I, 117). Ср. др.-русс. имена *Бобровниковъ* 1610 г.; *Бобров* 1495 г., 1543, 1560 гг. (Туп., 480).

Форма род. мн. на **-ov-** встречается несколько раз. Приводим самый ранний пример: *бобровъ* (Ип. лет. 6787 г.). Форма род. ед. на **-u** за-

¹⁷ Здесь и в дальнейшем топ. — топонимическое название.

свидетельствована в древне-польском языке с 1461 г.: *bobru* (Słow. st. pol., I, 136).

Данные из других индоевропейских языков представлены очень широко. Факты балтийских языков:

1. Лит. топ. *Bebrūviete* — название старого имения недалеко от города Ragnit в Литве. Пример взят из „Немецкого словаря“ И. В. Гримма (Bd. I, Leipzig, 1854), где он дан еще в старом орфографическом виде и с немецким переводом *Bebruwēte* 'biberstätte', т. е. 'бобровое место'. Ср. лит. *turgāviete* 'место рынка', *igniāviete* 'место огня'; ясно, что *Bebrūviete* состоит из **bebru** + **-viete**, т. е. здесь обнаруживается чистая основа в первой части сложения.

2. Лит. *Bebrunga* — название реки (Specht, Urspr., 213) и лит. топ. *Babrungas* (VEW, I, 97), которые трудно поддаются анализу, подобно славянским образованиям, содержащим сочетание **-un-**: укр. топ. *Бобруновы* (Сп. нас. м., XXXIII, 85); укр. *Бобруниця* или *Бобрунка* — насекомое 'сонечко, Coccinella' (Б. Д. Гринченко. Словарь укр. яз., т. I. Киев, 1907, стр. 78).

3. Русскому *бобр* в литовском языке соответствуют *bebras, bebrena*, имеющие варианты *bābras, dābras, dėbras, vėbras*, наряду с более архаическими вариантами *bebrūs, babrūs (debrūs, vebrūs)*¹⁸. Варианты, отражающие в литовском **а**-основу (соответствующую слав. **о**-основе), являются более поздними по своему происхождению. Ср. еще лтш. *bēbrs* < **bebrus* 'бобр' и др.-прусск. *bebrus* 'бобр' (Trautm., Apr. Sprd., 310 и VEW).

Факты германских языков тоже свидетельствуют об **ǫ**-основе этого слова. Ср.: 1) др.-исл. *biōrr* 'бобр' < **bjōbr* < **bjabru-z* < **bebru-z*; 2) др.-англ. *beofor*, по мнению Ф. Шпехта (Urspr., 188), < **bebru*.

Изогlossen из индо-иранских языков тоже показывают принадлежность к типу склонения основ на **-ǫ**.

1. Др.-инд. *babhrūh* а) бурый цвет, ст.-слав. *ѡрѡнъ*, б) название большого ихневмона. Ср. еще производные *babhrū-ś-á, babhlu-ś-á*, которые имеют значение 'коричневатый цвет' (Specht, Urspr., 187), а также др.-инд. **babhrū-k-a** 'вид ихневмона' (там же, 202).

2. Авест. *bābirav* — название города Вавилона; *bābiruviya* — прилагательное 'вавилонский, вавилонянин' (Barth., Air. Wb., 854).

Среди примеров из кельтских языков есть только один, в котором как будто бы содержится след древней **ǫ**-основы — кельт. топ. *Bibrusi* (Holder, Acelt. Spr. sch., III, 860). Но название это очень темное. В других случаях отражена основа на **-ǫ**: ср. корн. *befer*, галл. *beabhar*, галльские местные названия *Vibrax, Vibracte, Bebronna*; так же, как в лат. *fiber*, род. ед. *fibri* 'бобр'.

Для греческого языка мы можем привести только примеры слов с неударенным корнем, которое тоже служило обозначением животного коричневого цвета: *φρῶνη* 'жаба' (Voisacq, 1040), в котором отражается и.-е. ***bhr-ǫ**.

Можно заключить, что для большей части индоевропейских диалектных групп название бобра восстанавливается в виде **babhrū-s*, получившееся в результате неполного удвоения и.-е. корня ***bher-** 'коричневый, бурый' [ср. нем. *Bär* 'медведь'; *braun* 'бурый'; лит. *beras* 'гнедой (о лошадях), темно-рыжий'; ст.-слав. *ѡрѡнъ* русск. *бурый*].

¹⁸ Варианты с начальным **d-**, **v-** развивались в результате диссимиляционного преобразования, ср. еще сербохорв. *dābar* < **babar*.

По вопросу о старой **ŭ**-основе славянского названия соснового, хвойного леса, сосны (русск. *бор*, *бора*, польск. *bór*, *boru*, словен. *bor* и т. д.) есть немало авторитетных высказываний в лингвистической литературе [например, у Э. Бернекера (BEW, 76), Р. Траутманна (TWb., 36), А. Брюкнера (Br. Sl, 36), Я. Гебауера (Hist. ml. j. č., III, 333 и др.). М. Фасмер (VEW, I, 106) пишет, что *borŭ* — вероятно, **ŭ**-основа. Р. Нахтигаль (Akz., 109) без колебаний возводит русск. *боръ* к **ŭ**-основе. По мнению Б. Унбегауна (LR, 96), это имеет „очевидно основание“. Он ссылается при этом на Э. Бернекера. Кроме того, он исходит из фактов древнерусского, древнечешского и древнепольского языков. Ю. Покорный (Idg. Wb., 2, L., 109), обобщая данные германских и славянских языков, восстанавливает даже индоевропейскую основу на **-u**: ***bharu-**, **-uo-**. Но, как нам кажется, восстанавливать для этого слова индоевропейскую праформу основы нет достаточных оснований, поскольку оно встречается только в двух упомянутых индоевропейских языках.

Другие исследователи или вовсе не ставят вопроса о древней основе этого слова (см. НКЕСI, 73; SISIЕ, 1, 40) или просто причисляют его к типу склонения основ на **-ŏ** (Meillet, Ét., II, 234). Факты же доказывают, что слав. *bor* имел **ŭ**-основу.

Образования с суффиксом **-t-**, который следует за чистой основой: польск. *boruta* Ф. Миклошич (Vgl. Gr., II, 201) переводит как 'waldgeist', т. е. 'лесной дух'. В некоторых словарях польск. *boruta* передают как 'дух бора, лесной дьявол', в фольклоре — злой дух, нечистая сила, черт'. Ср. еще из словаря Карловича (Karł., Sl. gw., I, 107): „Najstraszniejszy jest djabeł léśny 'Boruta'“; чешск. *Boruta* м. р. 'лесной дух, живущий в Татрах' (Kott, VII, 1201 и Доп. 2.). Связь с чешск. *bor*, *borowy* сразу становится несомненной, если привлечь еще чешск. *Borovit* 'лесной дух' (Kott, I, 83). Ср. еще чешск. топ. *borutov*; польск. топ. *boruc* (Mikl., Bildg. ON, 16), а также русск. топ. *Борутино* (Сп. нас. м., XLIII, 400). Выделением суффикса **-utъ-** в этих примерах (Ср. Микл., Vgl. Gr., II, 201) нельзя опровергнуть мысль о сохранении следов **ŭ**-основы, ибо, во-первых, словообразовательные суффиксы развились позже, нежели основообразующие элементы; во-вторых, на явную связь суффиксального комплекса **-u-t-a** с древним корнем ***bor-** указывает чешск. *Borovit*, которое имеет то же значение, что и *Boruta*.

По мнению Профоуса (MJČ, I, 138), в чешск. топ. *Boruhrádek*, которое является вариантом к *Borohrádek*, *Bolehrádek*, раньше склонялись обе части сложения, как например *na Boruhrádku*, *v Boruhrádku*, от которых и образовался им. *Boruhrádek* и вин. *městečko boruhrádek* (все примеры из MJČ, I, 138). Очевидно, в этом названии сохранена старая флексия, свойственная **ŭ**-основам.

Здесь же следует проанализировать фразеологическое сочетание, в составе которого имеется старая форма родительного падежа единственного числа на **-u**: русск. *с бору да с сосенки* или *с бору по сосенке*, т. е. 'откуда попало, без разбора' (Д.).

Среди производных от слова *бор* есть большое количество слов с **-ov-**. Остановимся на наиболее характерных случаях.

***borov-** + суффикс **-an-** (**-jan-**), образующий названия лиц по принадлежности к какой-то территории и т. п. Ср. чешск. топ. *Borovany* (1186 г. *Borowani*) (Profous, MJČ, I, 140); сербо-хорв. *Bòrovlàni* 'жители села Вогова, Вогове' (Dan., I, 556); русск. топ. *Боровляны* (Волост., VI, 309); слов. топ. *Borovlje* < *borovlj(an)e* 'жители местности Вогово'.

borov-+суффикс **-in+a**, служащий для образования названий материала, из которого сделан предмет, указанный корнем. Ср. сербо-хорв. *borovina* 'lignum' (Mikl., Vgl. Gr., II, 135); словен. *borovina*, а также *borovine* 'lignum', но: *borina* 'сосновый или вообще хвойный лес'. С другим значением: польск. *borowina* = *borowisko* 'поле на месте вырубленного леса'; русск. *боровина* 'почва, хвойная почва' (Д.) Ср. польск. *borowizna* 'густой сосновой лес, торф' и чешск. топ. *Boroviny*.

***borov-**+суффикс **-ic(a)**: а) названия деревьев: чешск. *borovice* 'сосна'. Ср. чешск. топ. *Borovice* (с 1400 г. Profous, МЖС, I, 141); слов. *borovica* 'сосна, пихта'; н.-луж. и в.-луж. *bórowica* 'сосна, пихта'; б) названия низкорослых растений, кустарника, а также лесной почвы: русск. *боровица* 'элак, calamagrostis'; сербо-хорв. *боровица*, *боровница* 'Juniperus, можжевельник'; словен. *borovica* то же, польск. *borowice*, *borowica* 'торф' (ср. *borowizna!*).

Кроме чешского топонимического названия, можно указать еще на названия мест у восточных славян: русск. *Боровица* — река (Сп. нас. м., XLII, 130); *Боровица* — населенный пункт (там же, XVIII, 409); *Боровицы* (там же, XXXVII, 221).

***borov-**+суффикс собирательного значения **-ье**: словен. *borovje* 'сосновый лес, хвойный лес'. Ср. ср.-болг. *borovije* 'сосновый лес'; словен. топ. *Borovje*, *Brovje* (Bezl.). Но сербо-хорв. *Bôrje* 'сосновый лес'; топ. *Borje* без **-ov-**. Вост.-слав. топ. *Заборовье* (Заборье, Пашки) (Сп. нас. м., XL, 30; XLIII, 412; XXXIV, 533).

В бывшей Псковской губернии засвидетельствовано 27 названий с **-ov-** (*Заборовье*), а 21 название без **-ov-** (*Заборье*). Уже здесь элемент **-ov-** выступает факультативно, как и в последующих случаях:

***borov-**+суффикс со значением места ***-isko**: сербо-хорв. *borovište* 'сосновый лес'; чешск. *boroviště* и *Borište* (Kott. VII, 1201 и Доп.); русск. топ. *Боровище* (Сп. нас. м., XL, 185; XXXVII, 321).

Определенный интерес представляют еще образования с суффиксом **-ik-**, встречающиеся главным образом в восточнославянских языках. Сюда относятся: а) названия гриба — русск. *боровик* 'белый съедобный гриб'; блр. *боровік* 'белый гриб'; укр. *боровік* 'большой гриб'; польск. *borowik* 'белый гриб'; лит. *baravijkas* 'белый гриб' заимствовано из белорусского (FEW, I, 35); лтш. *barawika* 'большой коричневый гриб' (в литовском и латышском языках эти слова являются заимствованиями из восточнославянских языков); б) названия одушевленных (или якобы одушевленных) существ: блр. *боровік* '1. Медведь, живущий в бору. 2. Дух, живущий в бору' (разрядка наша. — Р. Э.). Ср. укр. *боровік* 'житель бора' и в русском фольклоре *старик-боровик*. Белорусское слово (а также русск. *боровік*) по семантическим и акцентологическим признакам можно поставить в один ряд с укр. *домовік* и русск. *домовій*.

Наконец ср. еще множество восточнославянских топонимических названий вроде *Боровик*, *Боровики*, *Боровиков*, *Боровиковка*, *Боровикова*, а также название реки *Боровичка* и т. д.

Данные из памятников древней славянской письменности наводят на мысль о существовании древней системы склонения типа **й-**основ у этого слова, хотя уже частично разрушенной. Например:

ст.-слав. род. ед. *отъ върѣдъ* (Mikl., Lex., 41); местн. ед. на *ворѣдъ* (Mikl., Lex., 41); им. мн. *ворѣве* (там же); др.-русск. род. ед. *от бороу* (Изб. 1073 г.), *прямо черезъ поперехъ бороу* (Отв. Кир. мон. 1448—1468 гг.), местн. ед. *въ бороу* (Пов. вр. лет, 6600 г.), *быша на бороу* (Соб., Лекц. 171), им. мн. *и мнози борове възгарахуса и болота* (Пов. вр. лет.), *борове* (Соб., Лекц. 172); др.-укр. род. ед. *от бороу*, *далъ бой от поля, з тозеи стороны от бороу* (Тимч., іст. сл. укр., 125);

др.-чешск. род. ед. *boru* 1318 г. (Hist. ml. j. č., III, 333); др.-польск. род. ед. *boru* 1401 г. (Słow. st. p., I, 143), местн. ед. *na boru* 1388 г. (там же), *w boru* (Łoś., Gram.), род. мн. *borow* 1465 г. (Słow. st. p., I, 143).

В разных славянских языках засвидетельствованы старые производные с **-ov-**:

ст.-слав. **БОРОВЪНЪ** прил. 'относящийся к сосне, пихте' (Mikl., Lex., (41); ср.-болг. *bogoviје*; др.-русск. *боровный-бъровный* [Ю. экз. Шест. (В)], *слъзоу бѣровною*, 'сосновой смолой', *боровок* вид пошлыны (Мат. терм. 31); др.-польск. *borowu*, *Borowie* 1441 и 1442 г., *Borownyk* 1465 г., *Borówka* 1460 г., *borowina* 1427 г., *borowica* ок. 1500 г. (все примеры из Słow. st. p., I, 130).

Точные соответствия праславянскому ***boru-** можно привести только из германских языков: др.-исл. *bǫrr* < **baru-z* 'лес, бор'; др.-англ. *bearu* род. ед. *bearwes* 'лес, кустарник'. Правда, др.-в.-нем. *bara-wāri*, *para-wāri* 'жрец, хранитель леса' и швед. *barr-skog* 'хвойный лес' относятся сюда же. Но в этих примерах древняя **ǫ**-основа не отражена. Г. Хирт Beitr. z. Gesch. dtsch. Spr., XXIII, 331) и Стендер-Петерсен (Sl.-germ. Lehnw. 270, 271, 516, 517, 545) предполагают заимствование этого слова из германских языков. Хирт это ничем не доказывает, а аргумент Стендер-Петерсена о совпадении основных значений слова в этих двух языковых группах мало убедителен для доказательства исконно германского происхождения этого слова. Э. Бернекер (BEW) в этом вопросе колеблется. М. Фасмер (VEW, I, 106) пишет, что нельзя доказать заимствование из германских языков. Уленбек, Перссон и Кипарский также не считают его заимствованным из германских языков. Доказать неисконность славянского слова невозможно; наоборот, у нас есть факты, доказывающие, что другие языки заимствовали его из славянского [ср. лтш. *barawika*; венг. *boroka* 'можжевеловый'; др.-прусск. *hora* 'сосновый лес', которое, по мнению А. Брюкнера, заимствовано именно из славянских языков (Brückner, Litosl. Stud., 192)].

Алб. *borige* или *bórikë* 'сосна' скорее всего заимствовано из соседних албанскому славянских языков. Ср. алб. *boronstie* 'черника' и словен. *borovnica* то же (Meyer, EW, 42). Имеется, наконец, множество славянских топонимических названий в Румынии (как например *Borcei*, *Borșei*, *Boreful*, *Borul*, *Dealul Borului*, *Valea Borului*, *Bilbor* = белый бор. — Р. Э.), а среди них два примера, показывающие яркие следы старой **ǫ**-основы — *Borovatul* и *boroiul* < **boroviul* (Jordan, Num., 69).

***drǫ-**

Первым, кто обратил внимание на то, что в славянском названии для 'lignum, Holz', русск. *дрова*, чешск. *drva*, болг. *дрѣво* и т. д. содержится **ǫ**-основа, был В. Вондрак (Vgl. Gr., 486). Он пишет, что к **ǫ**-основам принадлежит и преобразованное в славянском *drěvo* 'Holz, Baum', *drěvo* 'полено'.

Ф. Славский (SJSJE, 2, 164), ссылаясь на устное сообщение Т. Лер-Сплавинского, при разборе слова *drěwutnia* 'сарай для дров' < ***drǫvo-** **-tǫti** (**teṭi**) отмечает, что первый компонент сложения, может быть, является основой на **ǫ** соответственно первым компонентам сложений *taku-tra* 'глиняный сосуд для растирания мака', *miedzwiędź* 'медведь'.

М. Фасмер (VEW, II, 256) возводит русск. *одр* 'постель' к праслав. ***-o-dr** 'Gerüst um einen Baum herum', т. е. 'леса вокруг дерева'. По его мнению, это слово восходит к и.-е. ***dru-**, ср. др.-инд. **dru-** и т. д.

Г. А. Ильинский посвятил специальную статью „остаткам склонения имен на **-ŭ** среднего рода в славянских языках“¹⁹. Анализируя близкородственные слова **derwo* ‘дерево как растение — *arbor*’ и **druwo* ‘дерево в его обработанном виде, как материал — *lignum*’, он установил, что *druwo* восходит к древней основе на **-ŭ**. Исходя из приведенных К. Бругманном (Grdr.) соответствий славянскому **drŭva* в других индоевропейских языках: др.-инд. *dar-u-*, греч. *δρῦες* м. р., авест. *dru-* ср. р., гот. *triu* ср. р. и т. д., Ильинский заключает, что, во-первых, почти все эти слова принадлежали к типу склонения основ на **-ŭ**, во-вторых, они большей частью были именами существительными среднего рода, в-третьих, они были известны в индоевропейском праязыке в единственном числе. Во множественном числе они должны были иметь **-ŭ**. Еще в индоевропейском праязыке эти формы, по его мнению, подвергались влиянию основ среднего рода на **-ō**, заимствовав **-a**²⁰. Итак, слав. **drŭva* < и.-е. **drāa* (Ср. гомер. греч. *γούνα*, лат. *genua*, *corna* и т. д.). Затем Ильинский представляет себе такую (раннюю) эпоху праславянского языка, когда различия между формами именительного падежа множественного числа существительных среднего рода (на **-ы**, точнее было бы **-*ŭ**. — Р. Э.) и формами именительного падежа множественного числа существительных мужского рода (на **-ове-**, точнее было бы **eu-es*) еще не были стерты. Впоследствии слав. **dru-a* должна была перейти в **druv-a*, что вполне согласуется со ст.-слав. *дръва*, сербохорв. *дрва* и т. д. Форма единственного числа и.-е. (и ранее праслав.) **drŭ-*, давшая позднее *дръ-*, должна была исчезнуть после падения редуцированных. Как отмечает Ильинский, эта форма сохранилась лишь в некоторых словах, например в слав. *одръ* ‘постель, деревянное возвышение’ и в слове *и-дръ* ‘сильный, быстрый’ < и.-е. **in-dru*. Ильинский считает, что праславянская основа **dru-* содержится в ст.-слав. *дръва* ‘*ligna*’, сербохорв. *дрва* ‘*lignum*’ и т. д.

По мнению В. Махека, (MES, 98), слав. *дръv-* < **druv-(a)-*. Это в свою очередь преобразовано из **dru-n-*. Махек предполагает древнюю индоевропейскую **ŭ**-основу.

Из производных от праславянской основы **dru-* интерес представляют русск. *дровно* ср. р. старинное ‘дрова’ (Сл. 1847 г., I, 777—778), *дровни*, *дровней* ‘крестьянские сани для перевозки дров’ (разрядка наша. — Р. Э.); укр. диал. *дрівно*, *-a* ср. р. ‘полено’; н.-луж. *drowno* ср. р. ‘дерево, пень, колода, бревно, наслонные бревна’ — все в значении ‘*lignum*’. Все эти примеры представляют, очевидно, субстантивированные имена прилагательные, их праформа, по Р. Траутманну (TWb., 13) — **druina* (> *дръvн-*), Траутманн относит сюда еще словин. (очевидно, кашубское. — Р. Э.) *drēvno* и греч. *δρῦνος* ‘из дубового дерева’.

От **dru-* образованы также укр. *дровитня* ‘сарай для дров’; польск. *drewitnia* ‘место для рубки и хранения дров’; полаб. *dravüōtnā* ‘место, где хранятся дрова’. Как уже было сказано, Ф. Славский рассматривает польск. *drewitnia* как сложение из **дръvо-* + *-тъно* (*tęti*), русск. *тепи* ‘рубить, резать, сечь’; следовательно, здесь восстанавливается первоначальное значение слова как ‘место, где рубят дрова’; ср. значение в полабском.

¹⁹ См. Г. А. Ильинский. О некоторых архаизмах и новообразованиях праславянского языка. Прага, 1902.

²⁰ Нам кажется, что Г. Ильинский в этом случае не прав, ибо в общиндоевропейском языке у имен среднего рода вовсе не было форм множественного числа. В функции множественного числа употреблялись собирательные имена на **-ā**. Таким же образом объясняется и праслав. *drŭva* < **dru-ā*.

От ***-o-dru-** имеются производные: русск. *одровый* в сочетаниях *одровая телега* 'телега без кузова для перевозки дров' (разрядка наша. — Р. Э.) (VEW), *одровые сани* 'дрожины' (Д., II, 656).

В этих примерах ярко выступает древнее значение, связанное с *дрова* 'lignum'²¹.

Поскольку основа ***dru-** реконструируется для раннего периода праславянского языка, особое значение имеет более детальное сравнение славянского слова с соответствиями в других индоевропейских языках.

1. В балтийских языках это в большинстве случаев слова с другой ступенью корневого вокализма, например лит. *dervą* 'смоляняк, лучина, смоль' и производное *dervoksnis* 'полено, факел'. Но, как в славянском, др.-прусс. *drawine* 'деревянная (разрядка наша. — Р. Э.) посуда'.

2. Примеры из германских языков: гот. *triu* ср. р. 'lignum, arbor'; *triweins* 'деревянный' не являются точными соответствиями. Ближе подходит др.-в.-нем. *tro-c* совр. нем. *Trog* 'большой сосуд' (очевидно, первоначально деревянный, как и теперь еще кое-где у немецких крестьян).

3. В индо-иранских языках распространены слова с той же огласовкой корня и с той основой, что и в славянском. Ср. др.-инд. *dru* (или *dāru*) ср. р. 'дрова, деревянные предметы', м. р. 'дерево, сук'; *dru-mas* 'роща'; *druvāya* 'деревянный сосуд'; ведийск. *drūvannas* (а также *drūvānnas*) 'lignum в качестве пищи' (Brugm., Grdr., II, 1, 84); др.-инд. *drupādas* 'с ногами как колода, чурбан'; авест. *dru* (или *dāuru*) 'дерево как материал', *drvāēna* 'деревянный'.

4. Примеры из греческого языка: *ἄρβ-δρῶν* 'плодовое дерево' (MES, 98), *ἄρβ-ς* 'дерево, arbor; дуб'; *ἄρβ-μος* 'дерево; лес, роща'; *δρυινός* 'деревянный; из дубового дерева'; *ἄρβ-τομός* 'дровосек' к *ἄρβ-ς*.

5. В кельтских языках к праслав. ***dru-** ближе всего усилительный префикс **dru-** (ср. др.-инд. *drupādas*), галл. *Dru-talos* 'с большим лбом'; *Druides, drui, Druide* < ***dru-uid** 'премудрый' (Brugm., Grdr., II, 1, 181).

6. Можно еще указать на дат. *trua* 'большая ложка, половник' (очевидно, сначала деревянная ложка. — Р. Э.) (BEW, 232).

7. Хеттским языком тоже засвидетельствована основа на **-u** ср. хетт. *taru* ср. р. 'lignum' (J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952, стр. 217).

8. Из албанского языка можно привести слово *dru* ж. р. определенная форма *druja* 'дерево' (arbor и lignum). Ср. производные *dru-zjarri* 'дрова' (Lambertz, Lehrg. d. Alb., I, 40). Алб. *druvar* м. р. 'дровосек' было, очевидно, заимствовано из южнославянских языков. Ср. например, словен. *dervar* 'дровосек'.

К. Бругманн (Grdr., Bd. II, T. 1, 101) возводит алб. *dru* к ***druca** и предполагает заимствование из славянских языков. Г. Мейер (EW) и М. Ламберц (Lehrg. d. Alb.) не сомневаются в исконном албанском происхождении этого слова.

***(j)ilǔ-**

Название для отложений минеральных или органических веществ на дне рек, озер и т. д., в современном русском языке *ил*, род. ед. *ила* (словен. *il, jil*, чешск. *žil*). Обычно исследователи при изучении древних **ǔ**-основ не рассматривают это слово (См. Meillet, Ét.; Vondrak, Vgl. Gr. и др.) или — как Э. Бернекер (BEW) — не дают определения его исконной основы. Ряд ученых, однако, считает, что это слово

²¹ Помимо производных с **-ov-** встречаются и образования без этого элемента, ср. русск. *одрина* 'хлев, сарай' (Д.).

нужно причислять к именам существительным с первоначальной **й**-основой, например Я. Гебауэр (Hist. ml. j. č., III, 328—329), Р. Траутманн (ТШБ., 103), И. Голуб и Ф. Копечный (HKESI, 154). В. Махек пишет, что это слово, очевидно, представляет собой **й**-основу (MES, 180). М. Фасмер (VEW, I, 478) отмечает, что производные этого слова в славянских языках показывают старую основу на **-й**. В пользу этого положения имеются многочисленные доказательства в живых славянских языках и в области топонимических названий, а также в древних славянских памятниках и в других индоевропейских языках.

***ilovlja** < ***ilov** + суффикс с притяжательным значением **йь--а** (примета имен существительных женского рода). Русское название левого притока Дона—река *Иловля*, несудоходная и несплавная (разрядка наша. — Р. Э.) (М. С. Боднарский. Словарь географических названий. М., 1954, стр. 116), русское топонимическое название *Иловля*— село при реке *Иловле* (Волост., IV, 113). Ср. еще русск. топ. *Иловье* (< ***ilov-ъje**)— населенный пункт при речке *Иловке* (Сп. нас. м., XLIII, 305).

***ilovaj** < ***ilov-a-йь**. Русск. *иловай* м. р. 'затон, поемный речной залив, мелкий и болотистый' (т. е. с илом. — Р. Э.). В словаре Э. Бернекера (BEW) это слово переводится как 'Nehrung, Niederung, Marschland', т. е. низменность, топь и т. д. Русское название реки *Иловай*— правый приток реки Воронежи. Ср. русск. топонимические названия *Иловай-Рождественское*, *Иловай-Бригадирское*, *Иловай-Дмитревское* (или *Алывой*, *Лывой*) (Сп. нас. м., XLIII, 64), а также русскую фамилию *Иловайский* (VEW, 478), русск. топ. *Ладыгина* (*Иловайский*)— хутор на реке Матыре (Сп. нас. м., XLII, 65) и *Иловайские Дворки*.

***ilovina** < ***ilov-in-a**. Русск. *иловина* 'иловитая земля, илистая почва'; укр. *иловина* 'глинистая земля'; (BEW); словен. *ilovina* 'глинистая земля, постройка из нее'; болг. *иловина* 'илистая земля' (Дюв.); чешск. *jilovina* 'глинистая земля'. Ср. еще русское название притока Днепра— река *Иловина* (Машт., Днепр, 252).

***ilovica** < ***ilov-ic-a**. Слов. *ilovica* 'глина, глинистая земля', болг. *иловица*, *илавица* 'вид глины', (MEP, I, 965). Ср. большое количество топонимических названий: русск. *Иловица* а) хутор при речке Иловке; б) деревня при речке Иловке (Сп. рас. м., XL, 348); деревня при реке Великой (там же, XXXIV, 180). Словен. *Povica*— приток реки Dragonje (Bezl.); чешск. *Jilovice* сербохорв. *Pbovice*— название деревни в Боснии (Дан.); в.-луж. *jilocy* < *jołowicy*²² (Kühnel, Sl. ON u. FN, N₃, 68; слав. топ. в Румынии *Povița* (Jordan, Num., 57).

***ilov-ka; -ъсь**. Русск. *иловка* 'глина, похожая на ил, смешанная с илом, иловатая глина'. Ср. русск. *Иловка*; словен. топ. *Povka*; польск. топ. *Pawka*.

С суффиксом **-ъсь** встречается много названий мест в разных славянских языках: русск. топ. *Иловец* а) деревня при реке Шелонии (Сп. нас. м., XXXIV, 399); б) деревня при реке Черности и Иловице (там же, 443), в) названия рек (Машт, Днепр; Машт., Днестр); сербохорв. топ. *Povac*— село в Хорватии, в Загребской области (Дан.); сербохорватские названия рек *Poves*, *Paves* (Bezl.), словенское название реки *Povci* (там же). Ср. еще словенские топонимические названия *Poves*, *Povca*, *Povci* (там же), словацкое название реки *Poves*.

Подробнее следует остановиться на славянских топонимических названиях в Румынии, отчасти отражающих следы древней **й**-основой, например: *Povățul*, очевидно, < ***ilov-ъс-**; *Povița* < ***ilov-ic-a**; *Pva*

²² Нельзя согласиться с В. Махек, утверждающим, что в лужицких языках это слово отсутствует (MESI, 180). Кроме приведенного производного *jilocy*, в верхне-лужицком языке еще имеется *jit* 'Lößboden; болото', а также выражение *w jile* 'в грязи'.

(по мнению И. Иордана) < *ilov-a, ср. топонимические названия *Лова*, *Ловул*; *Луџа* < *ilv-ca* < *ilov-ic-a.

Материалы некоторых древних славянских текстов дают основание думать, что в древних славянских языках были широко распространены производные с *-ov-*, как например ст.-слав. иловница название места; место глаголемо иловница, прил. иловѣ (Mikl., Lex., 255); др.-русск. иловыи (Быт. XI в.); др.-серб. *Ловица* название нивы недалеко от Хетова (Дан.): „Niva *Ловица* pod Drênovcem“; др.-чешск. *žilový* (прил. *gilone zemi*); *žilovatý* (прил. *gilowate*); *žilový*, -ové название места (*město Gilowy*); *žilovati*, -uju 'добывать руду'. Отсюда, очевидно, *žilovec* (?) 'кто добывает руду' (*ylonci*); *žilowna* 'место, где добывают руду' (*gyłowna*) (все примеры из древнечешского языка см. Star. č. sl., I, 648—650). Ср. совр. чешск. *žilovati* 'добывать руду', непосредственно образовано от *žil*: *žilovatěti* 'становиться илистым, глинистым' (Kott, I, 631); совр. польск. *iłować*, -uje, -ował 'добывать руду' (Sl. j. р., II, 80); *iłowacieć* 'становиться илистым'. Возможно, древняя флексия сохраняется в таких спорадических примерах, как др.-чешск. *žilū* род. ед. (*z gilū zemského, z gilū*); *žilū* местн. ед. (*w gilū*, „in limo“) (Ž. Wittb.); др.-русск. иломъ [в древних списках илѣмъ тв. ед. (Иск.)].

За пределами славянских языков достоверные соответствия можно найти только в двух индоевропейских языках: 1) в греч. ἰλύς род. ед. ἰλῶς 'грязь, ил'; ἰλύ (Гезихий); 2) и в лтш. *ils* < *ilus 'очень темный'. Долгота корневого гласного в латышских говорах (*ils*) указывает на то, что это слово оканчивалось на *-us*. Данное сопоставление приемлемо и с семантической точки зрения, поскольку ил делает воду темной, грязной. Ср. еще лтш. топ. *Ilukste* (Ulmann, Lett. WB, T. 1, 340), в котором выделяется комплекс *-kste* (ср. *Wadakste, Sunakste, Zer-raukste* и т. д.).

*ledū-

Славянское слово, обозначающее замерзшую воду; русск. *лед*; сербохорв. *лѣд*; чешск. *led* и т. д.; многими учеными определяется как *ǫ*-основа, хотя такая трактовка еще не является общепризнанной в славистике.

Еще А. Лескин (Bildg. Nom., 240) при анализе лтш. *ledus* и лит. *lėdas* 'лед' отметил, что слав. *ledъ* тоже иногда выступает как *ǫ*-основа. Я. Гебауэр (Hist. ml. j. č. III, 329) восстанавливает *ǫ*-основу для чешского языка. Он решительно возражает Шолвину, который причислял это слово к *ǫ*-основам (AfSlPh, Bd. II, 494). В. Вондрак (Vgl. Gr., 486) и М. Фасмер (VEW, II, 25) безоговорочно включают это слово в группу имен существительных старых основ на *-ǫ*.

А. Мейе (Et., II) приводит это слово в числе примеров, которые с большей или меньшей вероятностью могут быть отнесены к *ǫ*-основам. При разборе А. Мейе ссылается на Я. Гебауэра. Помимо этого Мейе считает возможными заимствованиями из славянских языков лит. *lėdas* и др.-прусск. *ladis* (об этом см. ниже). В своем более позднем труде (Общеслав. яз., 331) Мейе дает в качестве балтийских соответствий ст.-слав. *лѣдъ*, лтш. *ledus* и лит. диал. *ledus* и с большей уверенностью высказывается за принадлежность славянского слова к *ǫ*-основам.

Э. Бернекер, комментируя др.-болг. *ledъ*, пишет, что это существительное *ǫ*-основы с формами *ǫ*-основы, например форма местного падежа единственного числа *ledu*. По поводу основы чешского слова он разделяет взгляды Я. Гебауэра (BEW, 699). Р. Траутманн колеблется при определении основы этого слова. Он дает два варианта реконструкции основы для балто-славянского: *leda- и *ledu- (TWb.). Э. Френкель

(FEW, 5, 350) признает для чешского языка основу на **-ǫ**, но видит в др.-болг. *ledъ* 'лед' **ǫ**-основу с формами от **ǫ**-основ.

Следы исконной **ǫ**-основы в южнославянских языках сохранились в виде рефлекса **-v-**: сербохорв. *ledven* < ***ledǫ-ъn-** < ***ledu-ъn** (прилагательное). По свидетельству Даничица, слово встречается в северных чакавских и кайкавских говорах. Из следующего предложения видно, что имеется в виду прилагательное, относящееся к слову *lêd*: „Pod nôm je voda *ledvena*“ (Dan.). Ср. также производное *ledvenost* 'холод, мороз', *ledvenica* наряду с *ledenica* 'ледовая яма, ледник'; сербохорв. *ledveniti*, *ledvenim* наряду с имперфектным глаголом *lediti*, *ledeniti* 'леденеть, отступать'; словен. *ledven* 'glacialis 'льдистый, ледяной'²³; словен. топ. *Ledvica* — название озера (Bezł.).

Существование древней **ǫ**-основы в праславянском языке подтверждается большим количеством примеров. Это производные слова, сохраняющие следы старой основы в виде рефлекса **-ov-**.

***ledov-ъn-jъ-a**. Русск. *ледовня* 'погреб со льдом, яма со срубом и напогребницей, набитая льдом и снегом' (Д.). Вост.-слав. название реки *Ледовня* (Машт., Днепр., 259); блр. *ledovnja* 'погреб со льдом'; укр. *льодвня* то же, что в белорусском языке. С тем же значением в украинском языке имеется еще слово *льодѳвник*, которое можно сопоставить с русск. *ледник* 'погреб с льдом'; чешск. *ledoveň*, **-vně** ж. р. 'яма со льдом'.

***ledov-in-a**. Как известно, при помощи суффикса **-in-** образуются названия единичных предметов от основ имен существительных, обозначающих массу, вещество или совокупность предметов. Ср. русск. *ледовина* а) 'ледяная глыба, льдина'; б) 'место, покрытое ледяной корой'; чешск. *ledovina* а) 'лед'; б) 'мороженое' (ср. нем. *Eis*).

***ledov-ic-a, -ka**. Производные со значением конкретных предметов или явлений. Русск. *ледовица* наряду с *ледѳница* 'гололедица, ледяная кора'; укр. *ледівка* '1. Гололедица. 2. Каменная соль. 3. Ледяные сосульки'; чешск. *ledovice* < *ledovica*, *ledovka* 'ледяная дорога'; польск. диал. *ledowica* 'гололедица' (Karł., Sl. gw., III, 45), *ledówka* 'лед' (там же); н.-луж. *ledowizna* 'тонкий слой льда на окне'²⁴.

Очевидно, суффикс **-in-**, употребляемый для образования названий профессии или обозначения принадлежности лица к какому-нибудь объединению, выделяется в болг. *ледовинъ* 'холодный ветер' (Гер., Реч. III, 8). Ветер мыслится одушевленным, что характерно для древних представлений у многих народов. Ср. еще чешск. *ledovec* 'град, холодец'.

Отыменные глагольные образования с **-ov-** опять ограничены двумя примерами западнославянских языков: польск. *lodowacieć* 'леденеть' и чешск. *ledovati* 'ломать лед'.

Наконец, можно привести имена прилагательные на **-ovit-**, которые, однако, в силу продуктивности суффикса **-ovit-** могут фигурировать лишь в качестве дополнительных данных. Ср. русск. *ледовитый* 'богатый льдом' (*Ледовитый океан*); укр. *льодовитий*, то же, что в русском; болг. *ледовитъ* 'покрытый льдом, похожий на лед'; словен. *ledovit* 'ледяной, похожий на лед'; сербохорв. *ledovit* 'ледяной, покрытый льдом'; чешск. *ledovitý* = *lednatý*.

Рассматриваемое нами слово принимает архаическую флексию, характерную для **ǫ**-основ главным образом в двух древних славянских языках — русском и чешском.

²³ Ср. однотипное сербохорв. *medvъn* 'медовый' и сербохорв. *medvača* 'груша сладкая, как мед' (Dan., VI, 565).

²⁴ По мнению Э. Муки, это слово образовано от прилагательного н.-луж. *lodowy*.

Ср. др.-русск. род. ед. *от леду до леду* 1506 г., *леду не колютъ* 1514 г. *еще леду не содрало на рѣкѣ* 1519 г. (Unbegaun, LR, 87); местн. ед. *на ледоу* (Прав. Кир. монастырь), *на ариеве леду* в Прологе 1262 г. (Соб., Лекц., 171); дат. ед. *ледови* (там же).

Др.-чешск. род. ед. *ledu: (Voda) bude studena jakžto ledu nahladena* (Alx., V, 2208), *z ledu*; местн. ед. *jako na ledu* (Alx., H.), *w ledu* (Alx., H.), *na ledu sě shřěje* (Geb., Sl. staroč., II, 216), *na ledu*; им. мн. *ledove* (Z. Klem., 148, 8).

Др.-серб. род. ед. *ledu: „...i копча všu se ledu въ дворѣ Kraleví“* (Дан.)²⁵.

Из производных с **-ov-** можно назвать: ст.-слав. **ЛЕДОВЪНЪ** прил. 'холодный, студеный' (Mikl., Lex., 335); др.-русск. **ледовьный** 'морозный': „во дни зноиныѣ и въ ноци **ледовьныѣ**“ (Евр., XIV в.); др.-чешское название камня — *ledovín, -a, ledoujn* (graconites de lapidibus, *ledouijn*) (Geb. Sl. staroč., II, 217).

Из других индоевропейских языков достоверные соответствия имеются только в балтийских языках. Отражает **ũ**-основу лтш. *ledus, -us* 'лед' и производное от него *leđauke* 'кусочек льда' (Sprecht, Urspr.). Лит. *lėdas* или *liādas* 'лед, град', так же как др.-прусск. *ladis* м. р. 'лед', не сохраняют исконную основу. Но, по свидетельству Э. Френкеля (FEW, L. 5, 350), лингвистом Арумаа отмечена в говорах на Виленщине **-ũ**-основа в *ledūs* (наряду с лит. диал. *sniegūs*, литер. *sniegas*, 'снег' причем *sniegūs* под влиянием слова *ledūs*). Принимая во внимание лтш. *leđus*, а также **ũ**-основы в славянских языках, Френкель определяет диал. лит. *ledūs* как старую **ũ**-основу. Он сравнивает это старое имя существительное с глаголом *ledėti, ledūotis* 'оледенеть, покрыться льдом'. Кроме этих исконных для литовского языка слов, есть еще несколько слов, заимствованных из славянских языков, в которых отражены следы древней **-ũ**-основы.

Лит. *laduvkà* 'тминная водка' происходит от польск. *lodówka* 'ледяная утка' — название для бутылки водки, содержащей $\frac{3}{4}$ литра. Лит. *leđaine* 'погреб со льдом, холодильник', по мнению Э. Френкеля (FEW, L. 5, 350), заимствовано из польск. *lodownia*, блр. *ledownia* 'погреб со льдом'. Ф. Шпехт недостаточно обоснованно возводит лит. *leđaine* к *ledūne* и сопоставляет его с лит. диал. *ledūs*. Взгляд Френкеля более правдоподобен еще и потому, что это слово, как свидетельствует Ф. Куршат (Kursch., Dtsch. lit. Wb.), распространено в бывшей польской Литве; оно могло обозначать и 'сосуд для льда'²⁶.

*olũ-

Др.-русск. *олѣ*, современное словен. *ôl* является древним славянским названием пива, хмельного напитка из жита, ячменя и т. п. Это одно из тех слов, которые принадлежали к группе имен существительных с основой на **-ũ**, хотя в специальной литературе это еще не везде находит свое отражение (см. Поржез., Ср. гр.; Vondrak, Vgl. Gr.; Селищев, Ст.-слав. и др.). А. Лескин в своих работах о славянских и балтийских языках (Bildg. Nom.; Dekl. Sl. В. u. Germ.) относит это слово к основам на **-ũ**²⁷. А. Мейе (Et., II, 244) того же мнения, что и Лескин.

²⁵ Нужно отметить, что в старославянском мы имеем другие формы. Ср. в Супрасльской рукописи на *лѣдѣ*, *въ вѣрѣчѣ* льда, а также в одном случае в др.-чешск. тексте: *na ledě* (Vlah, 109).

²⁶ Что касается некоторых других слов, привлеченных рядом исследователей для сравнения со слав. *ledъ*, например ирл. *ladg* 'снег' и греч. *λίθος* 'камень', то их этимологическая связь еще не доказана.

²⁷ Проф. Эндзелин считает соответствия из латышского языка тоже **ũ**-основами (Lett. Gr.).

А. Преображенскому основа этого слова в индоевропейском праязыке представляется в виде **alu-* с распространением *-d-* или *-t-* и с первоначальным значением 'горький'²⁸. Р. Траутманн (TWb., 7) объединяет славянские и балтийские данные в праформе **alu*. А. А. Шахматов (Курс, III, 116) пишет, что *олъ* склоняется в старославянских памятниках как *ǫ*-основа. Наконец М. Фасмер (VEW, II, 262) отмечает праславянскую *ǫ*-основу.

В современных славянских языках это очень старое название, как и производные от него, встречается крайне редко. Оно почти полностью было вытеснено другими названиями (например, в русском языке словом 'пиво')²⁹. Чистая основа обнаруживается в русск. диал. *олуй* — старинное пиво, брага' (Д.), 'слабое пиво, полпиво, разбавленное пиво' (VEW, II, 265).

олуй < **olu-* + суффикс притяжательного значения *-jъ*. Другие производные от слова *олъ* все без исключения имеют в своем составе элемент *-ov-*.

**olov-in-a*. Русск. церк. *оловина* 'брага, пиво, мед; всякий хмельной напиток, кроме вина виноградного, сикер' (Д.); русск. диал. *оловина* 'дрожжи; осадки и остатки браги, пива или кваса'. Согласно Далю — областное: новгородское, псковское, тверское. Ср. еще интересное примечание И. И. Срезневского (Мат., II, 663) к др.-русск. *оловина*: „Ср. нын. (т. е. ныне шнее; разрядка наша. — Р. Э.) *оловина*: 'дробина, осадок от слитого пива, кваса и пр.'“

Болг. *оловина* 'напиток из жита, прежде всего из пшеницы, нечто вроде пива, вина' (Гер., Реч., III, 358). *оловинка* уменьш. к *оловина*; словен. *ǫlovina* 'пивные дрожжи'.

**olov-* + другие суффиксы. Словен. *ǫloven* < **olu-* + суффикс прилагательного *-ъп* 'к пиву относящийся'; словен. *ǫlovnik* < **olovъп-* + суффикс *-ik* 'пивовар'; *olovâr* (Pleteršn., Wb.) **olov-* + суффикс действующего лица *-ar* 'пивовар'; польск. диал. *olowica* < **olov-* + суффикс *-ic-a* 'старое название дрожжей для водки' (Karł., Sl. gw., III, 439).

Факты из древних славянских текстов, также как и данные современных славянских языков, позволяют расширить круг слов с *ǫ*-основой. *ǫ*-основа доказывается: 1) сохранением чистой основы, например в др.-русск. *олуи* **olu-* + суффикс притяжательного значения *-jb* 'пиво'. Ср. совр. русск. *олуй* (см. выше) *олуи* (Степ. кн.). Ср. др.-русск.: *Олуевичъ* Семен — воевода Галицкий, 1213 г. (Туп., 678); 2) сохранением нескольких архаических форм род. ед. на *-u*: а) „вина и *олуи* не имать *пити*“ (Четв. ев. 1144 г.; Остр. ев.: „вина и *сикера*; в Феоф. Толк. ев.: *олуи*); б) „желание брашна да будет емоу вина же и *олу*“ (Ип. лет. 6734 г.); в) „вина и *олу*“ (Новг. 1-я лет., Шахм., Курс, III, 116).

В других индоевропейских языках везде, где сохранилось это слово, оно выступает с *ǫ*-основой. Оно наблюдается по (греко-?)-латино-германобалто-славянскому ареалу. Ср.:

1. лит. *alus* род. ед. *alûs* 'пиво'. Уменьшительное к лит. *alus*: *alûtis*, *aluzis*, *aluzelis* (Nesselm., Lit. Wb.). Ср. еще и другие производные лит. *alûde*, *-des* ж. р. а) 'пивная, погреб для хранения пива'; б) 'бочка для пива'; в) 'корыто, в котором варят пиво'; *alûdaris*, *-ria* м. р. 'пивной котел, чан для варки пива'; *alûdaris*, *-re*, *-res* м. и ж. р. 'пивовар, пивоварка'; *alutinis*, *-ne*, прил. 'пивной, относящийся к пиву'; 2. лтш. *alus* иногда и *alas*, *als* 'пиво'. В латышских говорах имеем *als* < *alus* (Endz., Lett. Gr., 527). Любопытный перевод русского *мед*

²⁸ Ср. F. Specht (Urspr.), который *олъ* < и.-е. **alu* понимает как 'горький напиток'.

²⁹ См. аналогичное явление в части германских языков, в которых также стали шире употребляться другие названия, например нем. *Bier* 'пиво' и т. д.

дается в русско-латышском словаре Я. Дравниака (Рига, 1913, стр. 376): а) *medus* б) *meestinsch, medalus* (курсив наш. — Р. Э.); 3. Др.-прусс. *alu* ср. р. 'медовина, хмельной напиток' (Trautm., Apr. Sprd., 299).

II. Так как в германских языках конечное **-u** обычно сохраняется, при определении старой основы в первую очередь можно сослаться на др.-англ. *ealu*, совр. англ. *ale* 'пиво'; др.-в.-нем. *alu* 'пиво' др.-сев. *ol* ср. р. 'пиво; пир, пирушка', *oldr* ср. р. 'пиво; пир', которое по мнению Йоханнессона (Jew, 1, 40), < *alupra*. Ср. др.-англ. *ealop* (род. и дат. ед.). Последние примеры позволяют по крайней мере для части германских диалектов восстановить наряду с ***alu-** еще ***alup-**, и-е, ***alut-**.

III. Примеры из латинского языка, тоже отражающие **ũ**-основу, отличаются, однако, от соответствий предыдущих двух групп индоевропейских языков сохранением несколько другого (очевидно, более древнего) значения. Ср. лат. *alūmen, -īnis* ср. р. 'квасцы'. От этого слова происходит др.-в.-нем. *alūn*, совр. нем. *Alaun*. С немецким заимствованием, вероятно, связано лит. *alūnas* (акутовая интонация!) 'квасцы', а также русск. галун 'квасцы'. Ср. также лат. *alūta, -ae* ж. р. а) 'обработанная квасцами мягкая кожа'; б) 'вещь, сделанная из мягкой кожи'³⁰.

Изучение целого ряда заимствований в других языках также подтверждает предположение о существовании древней **ũ**-основы.

Данные из финских языков: зап.-фин. *olut* < ***alut**, согласно Траутманну (Apr. Sprd., 299), имеет значение 'пиво, приготовленное без хмеля'; эстон. *ollo, ölo, öllud, öllut* 'пиво' (Parrot, Versuch Entw.). Эти слова, вероятнее всего, заимствованы из германских (может быть, из сев.-герм.) языков, где имеем ***alut-**. Но фин. диал. *olu* вепск. *olus*, по мнению Э. Френкеля FEW 1, 8, являются заимствованиями из балтийских языков.

Данные из цыганского языка: устар. *lovina* ж. р. 'пиво', уменьш. *lovinka* производное *lovineskéro* 'пивовар'; а также варианты к слову *lovina: lavanah, livin* (bière), *levina, lowine, luwina, lumino* и т. д. А. Ф. Потт (Zig., II, 335) предполагает, что в цыганский язык это слово перешло из валаш. *olâvinâ*, что можно сравнивать с лит. *allūs* и англ. *ale*. На связь цыг. *lovina* со ст.-слав. **ОЛОВИНЪНЪ** указывал еще Ф. Миклошич (Mikl., Lex., 501). Нам кажется, достаточно привести болг. *олвина* 'пиво' и уменьшительное от него *оловинка*, как происхождение цыг. *lovina* и *lovinka* станет ясным.

***pъsu-**

Вопреки мнению некоторых лингвистов, отрицающих этимологическую связь славянского названия собаки *pъsъ* с и.-е. *pek'us* 'скот; мелкий скот с длинной шерстью' (например, VEW, II, 346; Исаченко, ВЯ, 1957, № 3, стр. 123), нам кажется такое сопоставление не только оправданным, но и полезным для выяснения древнего вида основы этого слова. Нам представляются идентичными древнейшие значения и.-е. *pek'us* и слав. ***pъ-su**. Ф. Шпехт (Urspr., 33) совершенно правильно трактует и.-е. ***pek'us** как обозначавшее первоначально 'das Geschorene', т. е. 'стриженое'. Многочисленные примеры из разных индоевропейских языков³¹ указывают на старое значение, связанное с чесанием, стриж-

³⁰ Ряд лингвистов приводит параллель из греческого языка (Walde, Lat., et. Wb.: Schrader, Reallex., 39; Meillet — Ernout, I, 45; Specht, Urspr., 195; Machek, „Slavia“, 8, 209; Преображенский, например греч. ἀλδδοφρος 'достойный сожаления' и другие подобные слова). Из-за смысловой разобщенности нельзя безусловно доказать связь таких примеров с вышеприведенными.

³¹ См. А. Walde. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, II, 1, L. Berlin und Leipzig, 1926, стр. 16 и R. Trautmann. Baltisch-Slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923, стр. 217 и другие этимологические словари.

кой шерсти. Оно легко могло быть перенесено на животных, покрытых шерстью; таким образом развивалось название для мелкого домашнего животного с длинной шерстью (овца, собака), а впоследствии — для животного, скота вообще. Как будет видно ниже, в славянских языках это архаическое значение в ряде случаев сохранилось. Ср. например, русск. *псовина* 'длинная шерсть у псовых собак' и чешск. *psovina* 'вонь, запах собак, шерсть собаки'. В этих примерах исключена возможность видеть в слав. **pъsu* (давшем в определенных условиях *psov-*) название собаки. Первоначальным в славянских языках (как, впрочем, и в других индоевропейских языках) является значение 'шерсть, покрытый шерстью', название же собаки произведено от него. Излюбленные аргументы о фонетическом несоответствии славянского слова другим индоевропейским параллелям опровергаются тем, что в индоевропейском праязыке мы находим не только один вид корневого вокализма *pek'*³², но и другой, засвидетельствованный др.-иранск. *fšav-* (Barth. Air, Wb., 879), вед. *ksu-* < **psu-* и слав. **pъsu*³³. Идентичность основ в других индоевропейских и в славянских языках тоже неслучайное явление, оно лишний раз доказывает родственную связь. В лингвистической литературе еще со времени Ф. Миклошича, считавшего возможным отнесение словен. *pes* 'собака' к группе существительных с *ǫ*-основой, живо мнение об исконной *ǫ*-основе этого славянского слова. А. А. Шахматов (Курс, III, 121) тоже пишет, что из др.-инд. *pāsu*, лат. *pecku*, гот. *faihu* можно заключить, что слово *псѣ* перешло в основы на *-ǫ* мужского рода из основ на *-ǫ* среднего рода.

Есть и другие взгляды. У А. Мейе (Ét., II, 238), например, слав. *pisu* (*pъsъ*) фигурирует среди существительных, характеризующихся элементом *-e/-o-*. Ст. Младенов (MER, 419) придерживается такого же мнения. М. Фасмер, который довольно последовательно отражает в своем „Русском этимологическом словаре“ первоначальные *ǫ*-основы, оставляет русск. *пѣс* без уточнения вида основы. Он, правда, останавливается на связи названия шерсти, шкуры и т. п. с названием собаки (VEW, II, 346), но более склонен сравнивать слово *пѣс* с др.-инд. *piçāṅgas* 'рыжеватый, коричневый', слав. **pъstrъ* 'пестрый', чем с **pek'us*.

Наиболее убедительными доказательствами древней *ǫ*-основы этого слова являются следующие примеры.

**pъsov-in-a*. Русск. *псовина* 'длинная шерсть у псовых собак, на ногах и на хвосте' (Д.); чешск. *psovina* 'вонь, запах от собак; шерсть собак'.

Производные: русск. *густопсовый* < **gusto-pъsov-* 'с густой шерстью на шее' (о породистых борзых собаках) (Д). Ср. еще *псовая собака* (VEW, II, 3116) и *псущая собака* (Д.); чешск. *psovice* < **pъsov-ic-a* 'собачья кожа'. Ср. русск. *псоветь* несов. вид. к *опсоветь*. Термин из языка охотников. О щенке: *обрастать псовиной* 'становиться взрослым'. *Псовина* (охотн.) 'шерсть у собаки'.

³² См. Г. Ильинский. Reduktionsstufe in den Wurzeln ohne Sonanten in den slavischen Sprachen. — AfsIPh. Bd. 34, № 11—12. Касаясь корневого вокализма в праслав. **pъsъ* 'собака', автор утверждает, что в слав. **pъs-* выступает ступень редукции (ср. и.-е. **pek'u-*). При этом он указывает на возможность сравнения слав. *pъsъ* с и.-е. **pek'u*, так как индоевропейское название для скота (**pek'u*) сравнивают с корнем, содержащимся в индоевропейском названии шерсти *pek'*. В подтверждение сохранения древнего значения в славянском слове Г. Ильинский ссылается на русск. *псовая* или *густопсовая собака*.

³³ По мнению Блумфильда (IF 25, 185), в древнеиндийских сочетаниях *pś . . . m* и *p . . . pś* происходила диссимилиация *p > k*. См. ниже, стр. 123.

Характерно, что все примеры с древнейшим значением ('шерсть, шкура') содержат элемент **-ov-**. В образованиях вторичного значения (т. е. имеющих значение 'собака') **-ov-** факультативно. Ср. например, русск. *псина* 'собачье мясо; дух, запах, вонь собаки'. Производные от **psu* со значением собаки, имеющие в своем составе **-ov-**, представлены спорадически в отдельных славянских языках. Они мало дают при установлении древнего типа основы (ср., например, русск. *псовище* 'псовый двор', чешск. *psovity* 'подобный псу'; словен. *psôvnica* 'псарня'; польск. *psowaty* 'непослушный' и т. д.). Повсеместное распространение в славянских языках получили глагольные образования, имеющие в большинстве случаев в своем составе **-ov-**. Ср. русск. *псовать, псувать, псовать* 'портить, испортить'; ст.-слав. *пѣсѡвати* 'бранить' (ср. нем. *verhunzen*); бдр. *псавѡца, псуваѡц* 'портиться'; укр. *псувати* 'портить'; польск. *psuć(się)* 'портить(ся)'; чешск. *psouti* 'портить, гадить'; болг. *псувам* 'ругаю'; сербохорв. *псѡвати, псѡѡм* 'бранить'; словен. *psovati* 'ругать'. Ср. еще от этих производных русск. *попсуѡй* 'плохой мастер' и польск. *psuja* 'человек, который все портит' и *psuj* 'проказник, шалун'. Обращают на себя внимание также сложные слова польского языка типа *psubrat* < **psu-brat* 'негодяй, мерзавец'. Ср. нем. *Hundskerkel, Hundsfott, Hundekerkel*, а также польск. диал. *psumatry* (Karł., Sl. gw., IX, 445), нем. *Hundemutter*. Вероятно, первая часть сложения является формой родительного падежа единственного числа от слова *psu*, хотя это может быть и дательным посессивным.

Соответствия в других индоевропейских языках, отражающие **ǵ**-основу:

I. Лит. *pēkus* 'скот' (Nesselm., Lit. Wb.); др.-прусс. *pecki* ср. р. вин. ед. 'скот'. Ср. еще глагол *ropেকেwi, ropেকেūt* 'охранять, опекать'.

II. Гот. *faihu* ср. р. 'имущество, деньги; собств. скот'. (Feist, Et. Wb. got., 72).

Ср. сложения *faihu-ga-waurkai* 'барыш', *faihu-skula* 'должник'; др.-сакс. *fehū, feho* 'скот'; др.-в.-нем. *fihu, fehu* 'скот' (KEW, 408—409).

III. Лат. *pecū, peka* ср. р. 'домашнее животное; скот', *pecus, oris* а) 'скот, мелкий скот'; б) 'голова скота, отдельное животное'; в) бранное: 'скот, скотина'; *pecus, pecudis* а) 'домашнее животное'; б) мелкое домашнее животное (часто овца; коза) (ср. древнейшее значение); в) бранное: 'скот, скотина'.

Умбр. *pequo*, т. е. лат. *pecua* (им.-вин. мн. от *pecu* ср. р. 'скот');

IV. 1. Др.-инд. *paçi* ср. р., *paçú-s* м. р. 'скот; домашний скот. жертвенное животное'. В сложениях, очевидно, сохранилась чистая основа с другой ступенью корневого вокализма, ср. вед. **ksu-mát** < ***psu-mát** 'имеющий скот' и **puru-ksú** 'имеющий, владеющий большим количеством скота'.

2. Авест. *pasuš* 'скот'. Ср. сложные слова *pasuš x^varəda* ср. р. 'корм для домашнего скота'; *pasuš·hasta* 'загородка для мелкого скота, овец'; *pasuš·haurva* прил. 'который охраняет мелкий скот, овец; собака'. Чистая основа имеется в следующих сложениях: *pasu.vastra* ср. р. 'платье из шкуры животного, овцы'; *pasu.vastrah* ср. р. 'хлев' (все иранские примеры из Barth., Air. Wb., 881). Ср. еще авест. *pasu-maza* прил. 'мелкий скот, отданный в залог'; *ha^vrva-fšu* 'тот, кто сохранил скот' (Brugm., Grdr., Bd. II, т. 1, 180), а также авест. *pasuka* м. р. 'домашнее животное' и др.-инд. *pasukā* (Specht, Urspr.).

***sadū-**

К словам, прежде имевшим **ǵ**-основу, нужно, наконец, причислить древний славянский термин для 'плантации': русск. *сад*, ст.-слав. *сѧдъ*, чешск. *sad* и т. д. Это слово считают принадлежащим к **ǵ**-основам

Ф. Миклошич (Vgl. Gr., II, 28), В. Вондрак (Vgl. Gr., I, 486), Я. Гебауэр (Hist. ml. j. č., III, 331), А. Брюкнер (BrSl, 478), А. Мейе (Ět., II, 243 и Общеслав. яз., 331), Р. Нахтигаль (Akz., 117) и М. Фасмер (VEW, L. 17, 567). Р. Траутманн (ТWb.) реконструирует, кроме **ũ**-основы, еще основу на **ǫ**, правда, он дает ее в скобках и с вопросительным знаком: ***sodu-** (***soda-?**) 'Pflanzung, плантация'. Б. Унбегаун (LR) пишет, что др.-русск. садъ, вероятно, одна из старых основ на **-ǫ**, которая скоро стала склоняться по типу основ на **-ũ**. Следы **ũ**-основы в виде **-ov-** содержатся во многих производных.

***sadv-** + суффикс собирательного значения **-ъје**. Ср. русск. церк. *садовіе* 'все садовые растения', словен. *sadovje* наряду с *sadje* 'фрукты', чешск. *sadovi* < **sadvije* 'плантация, arbores, Pflanzung'³⁴.

***sadv-in-a**. Ср. русск. диал. *садовіна* 'фруктовое дерево' (Донск. сл.); укр. *садовіна*, **-ні** 'садовые плоды, деревья'; блр. *садовіна* 'садовые фрукты'; чешск. *sadvina*, **-у** 'садовые фрукты'; польск. *sadvina* = *sadzonka* 'плохой сад, садишко, садовище'; полаб. *sadvéina* 'садовые фрукты' (Rost. Polab. Spr. г.). Ср. еще болг. *Широка Садоина* (вм. *Садовина*), а также *Садовецъ* название места³⁵.

***sadvъn-** основа прилагательного с разными суффиксами. Ср. имена прилагательные ст.-слав. *садовънь*, словен. *sadvn* (рефлекс **-v-**). С суффиксом **-jak**: словен. *sadvnjak* 'фруктовый сад'. С суффиксом **-ik**: русск. *садовник* 'специалист по садовому делу'; блр. *садоўнік*; укр. *садівник* 'садовник'; словен. *sadvnik* 'фруктовый сад'; чешск. *sadvnik* и польск. *sadownik* 'садовник'. Ср. еще вост.-слав. топ. *Садовничу* (Садки) (Сп. нас. м., XL, 38), *Садовникова* (или Смѣла) (Сп. нас. м., XLVII, 59).

***sadv-ъka**. Ср. русск. *садовка* 'садовая ягода, малина'; чешск. *sadvka* 'фруктовый сад'; вост.-слав. топ. *Садовка* (4 раза Сп. нас. м., XL, 242, 365; XLV, 141; Волост. IV). Наряду с производными типа ***sadv-**, **-ъka** в западных и восточных славянских языках есть и образования без **-ov-**, подобные русск. *сынѡк* (< **synъkъ*) и т. д., например: чешск. *sad* и *sadek* *sadku* 'сад'; полаб. *sadk'üova*, которое, по мнению Р. Роста (Polab. Spr. г., 418), относится к слову *sodak* 'маленький питомник'. Ср. еще польск. топ. *Sadków* и *Sadkowice* (Mikl., Bildg. ON., 56) и русск. топ. (Садки) *Садовичу* (Сп. нас. м., XL, 38).

Двумя западнославянскими языками засвидетельствованы отыменные глагольные образования с **-ov-**: польск. *sadowić* = *sadzac* 'рассаживать, усаживать, сажать'; чешское отглагольное сущ. *sadvání* 'отмежевание участков при помощи камней'; ср. чешск. *sadovec* 'камень, отделяющий один земельный участок от другого'.

Примеры из старых письменных памятников нескольких славянских языков позволяют частично восстановить древнюю систему склонения рассматриваемого слова.

Ст.-слав. род. ед. *садоѡ* (но и *сада*) (Mikl., Lex., 818); местн. ед. *садоѡ* (но и *въ садѣ*) (там же); им. мн. *садове* [Супр. рук. (Meillet., Ět., II, 243)]; род. мн. *садовѣ* [Супр. рук. (там же)]. Ср. еще ст.-слав. *садъ* с **-ov-** в тех падежных формах, в которых оно не должно быть; тв. ед. *садовомъ*, им. мн. *садовы*, местн. мн. *садовохъ* (Mikl., Lex., 818).

Др.-русск. род. мн. *садовѣ* (Гр. Назв., XI в.), им. мн. *садове* (Сб. 1076 г.); др.-чешск. род. ед. на **-u** (нигде нет **sada*): *do sadu, z svého sadu* (Geb., Hist. ml. j. č.), местн. *v sadu* (Vondrak, AfsIPh, IX, 611),

³⁴ Ф. Миклошич („Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen“, Bd. II, стр. 69) отмечает, что в чешском слове *sadovi* **-ov-** < **-ъ-**.

³⁵ Ст. Младенов. Един принос към изучаването на местните названия. „Родник на Соф. унив. Ист. филол. фак.“, кн. XXXI, № 9, София, 1935, стр. 23.

v svém zzodu (но и *sadě*), род. мн. *bez sadów* (нигде нет **sadъ*); др.-словен. *sadu* местн. ед. отмечено Т. Флоринским (Флор., Лекц., т. 1, 455).

Многочисленны производные с элементом **-ov-**: ст.-слав. **садовик** 'росток, саженец, растение'; др.-русск. **садовик** 'деревья' (Пов. вр. лет 6488 г.); ст.-слав. **садовикъ** (Mikl., Lex., 818); др.-русск. **садовый** 'древесный' (Жо лѣст. XII в.); др.-русск. **садовый** 'в саду выращенный, не дикий' (Псков. 1-я лет. 6995 г.) Ср. еще др.-русск. **садовникъ** 'садовник' (Поруч. 7100 г.) и **садовитый** 'покрытых растительностью' (Георг. Амарт.).

В других индоевропейских языках достоверных соответствий нет.

В данных топонимии на территории Румынской Народной Республики находим яркие отражения старой основы на **-ŭ**, ср. *Sadova, Sadova Nouă, Sadova Veche, Sadăul* < **sadovl* < **sadovъ*, *Sadovinele* (Jordan, Num., 11).

* * *

Мы рассмотрели восемь слов (*be/obrъ, borъ, drъ(va), (j)ilъ, ledъ, olъ, pьsъ* и *sadъ*], принадлежность которых к древнему типу склонения основ на **-ŭ** не является в науке общепризнанной. На основании приведенных выше данных мы считаем, что эти существительные имели **ŭ**-основу. Естественно, что не для каждого из названных слов его принадлежность к типу склонения основ на **-ŭ** может быть доказана с одинаковой убедительностью. Наиболее убедительно, на наш взгляд, мотивирована старая **ŭ**-основа в словах *be/obrъ, borъ, olъ* и *ledъ*. Но и в других случаях нет серьезных аргументов против этого положения. Таким образом, общее число существительных, изменявшихся в праславянском языке по типу склонения основ на **-ŭ**, составляет около полутора десятков слов. К ним, несомненно, следует отнести еще два древних славянских образования на **-nŭ**³⁶: слова *stanъ* (основа ***stanu-**) и *činъ* (основа ***činu-**).

Разумеется, этим списком не исчерпан реальный состав слов с основой на **-ŭ**. Но в настоящее время из-за недостаточно убедительных доказательств ряд слов может быть отнесен к **ŭ**-основам лишь предположительно. Такими существительными мы считаем *dob* 'дуб', *jadъ* 'яд', *tъrgъ* 'торг'. В дальнейшем следует изучить такие слова, как *redъ* 'ряд', *grěxъ* 'грех', *kъrtъ* 'крот', *plodъ* 'плод', *sъkъ* 'сук', *nizъ* 'низ; нижняя часть чего-нибудь' и некоторые другие.

Кроме того, может быть установлен ряд имен прилагательных³⁷, сохранивших, очевидно, еще в раннем периоде праславянского языка **ŭ**-основу, как например *sladъkъ* (основа ***sladu-**) 'сладкий', *ъzъkъ* (основа **anzu-**) 'узкий' и др.

Подведем итоги.

1) Группа имен существительных, характеризовавшихся в праславянском языке основой на **-ŭ**, по своему составу не так уж малочисленна, как обыкновенно принято считать. Мы ограничились при этом анализом только наиболее вероятных случаев.

³⁶ Образования на **-nŭ** в праславянском языке (к ним принадлежат слова *synъ* 'сын', *stanъ* 'стан', *činъ* 'чин', *sanъ* 'сан', *ternъ* 'терн') могут служить темой специальной статьи.

³⁷ Следовало бы даже рассматривать имена существительные и имена прилагательные вместе, поскольку в праславянском языке (особенно в раннем его периоде) эти две категории слов мало отличались друг от друга. Но осуществить подобное исследование в рамках данной статьи не представляется возможным.

2. Структура всех слов со старой **ǫ**-основой отличается своим двухсложным строением в праславянском языке, ср. ***me-du**, ***be-bru-(s)** и т. д.

3. Из рассмотренных нами **ǫ**-основ к общеиндоевропейским **ǫ**-основам восходят: *medь*, *synь*, *b^o/obrь*, *pьsь*, *drь(vь)*. В одном или нескольких индоевропейских языках точные соответствия имеют *domь*, *borь*, *ilь*, *ledь*, *olь*. Встречаются также слова, которые вовсе не имеют индоевропейских параллелей, например слав. *садь*. Основы слов этой категории могут быть определены только методом внутренней реконструкции. Этот словарный слой является самым поздним напластованием на более древние слои слов с **ǫ**-основой.

4. Наконец можно констатировать, что существительные, образующие группу слов с основой на **-ǫ**, как правило являлись очень употребительными, и этот факт, конечно, сыграл определенную роль в воздействии типа склонения основ на **-ǫ** на другие основы в истории славянских языков.

ПРИНЯТЫЕ В СТАТЬЕ СОКРАЩЕНИЯ

I

Волост. Волости и важнейшие селения европейской России по данным обследования, произведенного статистическим учреждением Министерства внутренних дел по поручению статистического совета. Сп. 1883—85.

IV — Выпуск IV

VI — Выпуск VI

Гер., Реч. — Н. Гер ов. Рѣчникъ на бѣлгарскій языкъ съ тълкувание рѣчи-ты на бѣлгарски и на русски, ч. 1—5. Пловдив, 1895—1904.

Д. — В. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I—IV. М., 1955

Донск. сл. — А. В. М и р т о в. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929

Дюв. — А. Д ю в е р н у а. Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати, вып. I—IX. М., 1885—1889.

Кирич. — И. И. К и р и ч е н к о (главн. ред.). Украинско-русский словарь, т. I. Киев, 1953.

Мат. терм. — Г. Е. К о ч и н. Материалы для терминологического словаря древней России под ред. Б. А. Грекова. М.—Л., 1937

Машт., Днепр. — П. Л. М а ш т а к о в. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913

Машт., Днестр. — П. Л. М а ш т а к о в. Список рек бассейнов Днестра и Буга (Южного). Пг., 1917

Мейе, Общеслав. яз. — А. М е й е. Общеславянский язык. М., 1951

Носов. — И. И. Н о с о в и ч. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870

Поржез., Ср. гр. — П о р ж е з и н с к и й. Сравнительная грамматика славянских языков, вып. I. М., 1914

Селищев. Ст.-слав. — А. М. С е л и щ е в. Старославянский язык, ч. II. М., 1952

Соб., Лекц. — А. И. С о б о л е в с к и й. Лекции по истории русского языка. Изд. 4, М., 1907

Сл. 1847 г. — Словарь церковнославянского и русского языка, т. I—IV. СПб., 1847

Сп. нас. м. — Списки населенных мест Российской империи. Составлены и изданы Центральной Статистической комиссией Министерства внутренних дел. СПб., 1861—1885

XVIII — Т. XVIII, Костромская губерния

XXIV — Т. XXIV, Московская "

XXXIII — Т. XXXIII, Полтавская "

XXXIV — Т. XXXIV, Псковская "

XXXVII — Т. XXXVII, Санктпетербургская "

XL — Т. XL, Смоленская "

XLII — Т. XLII, Тамбовская "

XLIII — Т. XLIII Тверская губерния

XLV — Т. XLV Уфимская "

- Тимч., Іст. — сл. укр. Е. Тимченко и др. Історичний словник українського языка, т. I. Харків—Київ, 1930
- Туп. — И. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903
- Флор., Лекц. — Т. Флоринский. Лекции по славянскому языкознанию, ч. I—II. Киев, 1895—1897
- Шах., Курс — А. А. Шахматов. Курс истории русского языка, ч. III. СПб., 1910—1911.

*Сокращения в названиях памятников,
цитируемых по „материалам“ И. М. Срезневского¹*

- Быт. XI в. — Книга Бытия — первая книга из Пятикнижия Моисеева
- Георг. Амарг. — Временник Георгия Амаргола по нескольким спискам XIV и XV вв.
- Грам. Влад. — 1387 Грамота Владислава, короля польского
- Гр. Назв. XI в. — XIII слов Григория Назианзина по сп. Императорской публичной библиотеки XI в.
- Евр. XIV в. Послание ап. Павла евреям
- Изб. 1073 г. — Изборник Святослава (Съборъ отъ многъ отъць), написанный диак. Іоанном в 1073 г.
- Ю экз. Шест. (В) — Шестоднев Иоанна экз. Болгарского по выпискам, находящимся в словаре А. Х. Востокова
- Ю лѣст. XII в. — лѣстница Іоанна синайского по сп. XII в., выписки из словаря А. Х. Востокова
- Ип лет. — Летопись по Ипатьевскому списку; выписки проверены по изданию Археогр. комиссии
- Исх. — Исход — вторая книга из пяти книг Моисеевых
- Остр. ев. — Остромирово евангелие 1056—1057 гг.; выписки проверены по изд. А. Х. Востокова, СПб., 1843
- Отв. Кир. мон. — Отводная Кириллову монастырю на дер. Петровскую, 1448—1468
- Пов. вр. лет — Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку
- Поруч. 7100 г. — Поручная по разныхъ крестьянахъ 1592 г.
- Сб. — 1076 г. — Изборник Святослава 1076 г.
- Степ. кн. Степенная книга по спискам Московского публичного музея
- Четв. ев. 1144 г. — Четвероевангелие 1144 г. Моск. Синод. библ.
- Феоф. толк. ев. — Толкования на евангелие Феофилакта, арх. болгарского, по сп. Моск. Синодальной библиотеки № 87—94

Сокращения в названиях памятников старославянского языка

- Асс. — Ассеманово евангелие
- Зогр. — Зографское „
- Мар. — Маринское „
- Савв. кн. — Саввина книга
- Супр. рук. — Супрасльская рукопись

(Примеры из перечисленных памятников взяты из книг: А. Вайян. Руководство по старославянскому языку, М., 1952; A. Meillet. Etudes sur l'etymologie et le vocabulaire du vieux slave, pp. I—II, Paris, 1902—1905).

II

- Barth., Air. -Wb. — Ch. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Straßburg, 1904
- Bezl. — F. Bezlaj. Slovenska vodna imena, I Del (A—L). Ljubljana, 1956
- Boisacq — E. Boisacq. Dictionnaire étymologique de la Langue Greque. Ed. 4, Heidelberg, 1950

¹ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I—III. СПб., 1893—1912.

- Brugm., Grdr. — K. Brugmann und B. Delbrück. Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Bd. II, Teil 1, Straßburg, 1906; Teil 2, Straßburg, 1911
- Brückner, Litosl. Stud. — A. Brückner. Litoslavische Studien, t. 1. „Die slavischen Fremdwörter im Litauischen“. Weimar—Böhlau, 1877
- Endz., Lett. Gr. — J. Endzelin. Lettische Grammatik. Riga, 1923
- Feist, Et. Wb. got. — S. Feist. Etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache. Halle, 1909
- Fick, Vgl. Wb. — A. Fick. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Göttingen, 1874—1876
- Geb., Hist. ml. j. č. — J. Gebauer. Historická mluvnice jazyka českého, díl III. Praha, 1896
- Geb., Sl. staroč. — J. Gebauer. Slovník staročeský, díl I—II. Praha, 1903—1916
- Holder, Acelt. Spr. sch. — A. Holder. Alt-celtischer Sprachschatz, Bd. I—III. Leipzig, 1891—1907
- HKESl — J. Holub, F. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého, Praha, 1952
- JIEW — A. Johannesson. Isländisches etymologisches Wörterbuch, Lieferung 1—3. Bern, 1951—1952
- Jordan, Num. — J. Jordan. Nume de locuri româneşti in Republica Populară Română, vol. I. Bucureşti, 1952
- Karl., Sł. gw. — J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, t. I—VI, 1901—1911
- Kniezsa — I. Kniezsa. A magyar nyelv szláv jövényiszvai, I Kötet, 1—2 Rész. Budapest, 1955
- Kursch. Dtsch.-lit. Wb. — F. Kurschat. Wörterbuch der litauischen Sprache, Teil I.: Deutsch-litauisches Wörterbuch, Bd. I—II, 1870—1874
- Kühnel, Sl. ON u. FN — P. Kühnel. Die slavischen Orts- und Flurnamen der Oberlausitz, H. 1—5. Leipzig, 1891—1899
- Lambertz. Lehg. d. Alb. — M. Lambertz. Lehrgang des Albanischen. Berlin, 1954
- Leskien, Bildg. Nom. — A. Leskien. Die Bildung der Nomina im Litauischen. Leipzig, 1891
- Leskien, Dekl. Sl. B. u. Germ. — A. Leskien. Die Deklination im Slavisch-Baltischen und Germanischen. Leipzig, 1876
- Łoś, Gram. — J. Łoś. Krótka grammatyka historyczna języka polskiego. Lwów, 1927
- Meyer, EW — G. Meyer. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Straßburg, 1891
- Meyer, Gesch. d. St.-bildg. — G. Meyer. Zur Geschichte der indogermanischen Stamm- und Declination. Leipzig, 1875
- Meillet, Ét. I, II — A. Meillet. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, p. I—II. Paris, 1902—1905
- Meillet — Ernout — A. Meillet et A. Ernout. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Paris, 1951
- Mikl., Rad. — F. Miklosich. Radices linguae slovenicae veteris dialecti. Lipsiae, 1845
- Mikl., Bildg. ON — F. Miklosich. Die Bildung der Ortsnamen aus Personennamen im Slavischen. Wien, 1864
- Mikl., Lex. — F. Miklosich. Lexicon palaeslovenicum graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865
- Mikl., Vgl. Gr. — F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen
 I — Bd. I. Vergleichende Stammbildungslehre der slavischen Sprachen. Wien, 1875
 II — Bd. II. Vergleichende Stammbildungslehre der slavischen Sprachen. Wien, 1875
 III — Bd. III. Vergleichende Wortbildungslehre der slavischen Sprachen. Wien, 1876
- Nachtigal, Akz. — R. Nachtigal. Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung, I. Substantiva auf Konsonanten. Heidelberg, 1922
- Nesselm., Lit. Wb. — G. H. F. Nesselmann. Wörterbuch der litauischen Sprache. Königsberg, 1851

- Parrot, Versuch Entw. — J. L. von Parrot. Versuch einer Entwicklung der Sprache, Abstammung, Geschichte, Mythologie und bürgerlichen Verhältnisse der Litwen, Letten, Esten. Stuttgart, 1828
- Pleteršn., Wb. — M. Pleteršnik. Slovensko-nemški slovar, I del. Ljubljana, 1884
- Pokorný, Idg. Wb. — J. Pokorný. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949—1951
- Pott, Zig. — A. F. Pott. Die Zigeuner in Europa und Asien. Halle, 1844
- Profous, MJČ -- A. Profous. Místní jména v Čechách, jejich vznik, původní význam a změny, Díl I (A—H). Praha, 1954
- Rječn. Jug. ak. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Na svijet izdaje Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. DIO I—VI. Zagreb, 1880—1910
- Rost, Polab. Spr. r. — P. Rost. Die Sprachreste der Draväno-Polaben im Hannover-schen. Leipzig, 1907
- Schrader, Reallex. — O. Schrader. Reallexikon der indogermanischen Altertums-kunde, 2. Aufl. Straßburg, 1917
- Specht, Urspr. — F. Specht. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944
- SłSłE — E. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego. zeszyt 1, 2, 5. Kra-ków, 1952—1956
- Sł. j. pol. — Słownik języka polskiego pod red. J. Karłowicza etc., t. I. II. Warszawa. 1900—1902
- Słow. st. pol. — Słownik staropolski. Polska Akademia Nauk, t. I (zes. 1—6), t. II (zes. 1). Warszawa, 1953—1956
- Stend.-Pet., Sl.-germ. Lehnw. — A. Stender-Petersen. Slavisch-germanische Lehnwortkunde. Göteborg, 1927
- Trautm., Apr. Sprd. — R. Trautmann. Die altpreußischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1910.
- Ulmann, Lett. Wb. — C. Ch. Ulmann. Lettisches Wörterbuch, 1. Teil, Lettisch-deutsches Wörterbuch. Riga, 1872. 2. Teil, Deutsch-lettisches Wörterbuch. Riga, 1880
- Unbeg., LR — B. Unbegaun. La langue Russe au XVI-e siècle (1500—1550). Pa-ris, 1935
- Vondr., Vgl. Gr. — W. Vondrak. Vergleichende slavische Grammatik, I. Aufl., Göttingen, 1906—1908; II. Aufl., Göttingen, 1924
- Walde, Lat. et. Wb. — A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I. Heidelberg, 1938.

*Сокращения в названиях памятников
древнерусского языка²*

- Alx. — Alexandreida
- Blah. — J. Blahoslava Grammatika česká, 1571
- Hrad. — Rukopis sv. Hradecký, z 1 pol. XIV podle novějšího odhadu asi z pol. XIV st.
- Nom. — Nomenclatura lat.-bohem., z doby ok. r. 1400
- Reg. — Regesta Bohemiae et Moraviae
- Rozb. — Rozbor lit. stě., v pojednáních král. Č. Spol. nauk 1840 a 1841
- Vít. — Rukopis Svatovítsky, z 1 1380—1400
- Ž. Klem. — Žaltář Klementinský, z 1 pol. XIV st.
- Ž. Wittb. — Žaltář Wittenberský, asi z 2 třetiny XIV st.

² Цит. по кн.: J. Gebauer. Historická mluvnické jazyka českého, díl III. Praha, 1896.